

**Воронежский государственный
университет**

П

А

Н

О

Р

А

М

А

XXVII

2017

**Факультет
международных
отношений**

***Научные
труды***

PANORAMA

Academic Annals

**Faculty of International Relations
Voronezh State University**

**2017
Vol. XXVII**

Панорама
2017 Том XVII

Учредитель:
Факультет международных отношений
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» (Воронеж, Россия)

Издание основано с 2005 году.

С 2005 по 2010 год выходило как «Панорама. Ежегодник по итогам научной сессии Факультета международных отношений Воронежского государственного университета». С 2011 года выходит как периодическое издание. Периодичность: два номера в год (2011 – 2012), с 2013 года – три номера. С 2015 года издается под названием «Панорама. Научные труды Факультета международных отношений Воронежского государственного университета». К 2015 году издано 16 выпусков / номеров издания. Издания, подготовленные к печати в 2015 году, продолжают очередность предшествующих выпусков в латинской нумерации.

Редакционная коллегия:

д-р экон. н. О.Н. Беленов, проректор по международному сотрудничеству и маркетингу ФГБОУ ВО «ВГУ», профессор, декан Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»;

д-р экон. н. П.А. Канапухин, декан Экономического факультета, ФГБОУ ВО «ВГУ», заведующий Кафедрой маркетинга Экономического факультета ФГБОУ ВО «ВГУ»;

к.э.н. Е.В. Ендовицкая, заведующая Кафедрой международной экономики и внешнеэкономической деятельности Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»;

д-р ист. н. М.В. Кирчанов, отв. ред.; заместитель декана по научно-исследовательской работе, доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»;

к.г.н. И.В. Комов, преподаватель Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.и.н. В.Н. Морозова, заместитель декана по учебной работе, доцент Кафедры международных отношений и мировой политики ФГБОУ ВО «ВГУ»;

д-р полит. н. А.А. Слинько, профессор, заведующий Кафедрой международных отношений и мировой политики Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»;

д-р экон. н. А.И. Удовиченко, профессор, заведующий Кафедрой регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

Адрес редакции: 394000, Россия, Воронеж, ул. Пушкинская 16, Воронежский Государственный Университет, Факультет международных отношений, Корпус № 4, Ауд. 236

Рукописи предоставляются в редакцию по электронной почте. При этом необходимо сообщить: ФИО, место работы, ученую степень и звание, контактные данные (номер телефона и адрес электронной почты). Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за содержание текстов и аутентичность цитат несут Авторы. Редакция осуществляет необходимое стилистическое редактирование и техническое форматирование с целью унификации полученных материалов. Мнение членов Редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов публикуемых статей.

ISSN 2226-5341

© Воронежский государственный университет,
2017

© Составление, ФМО ВГУ, 2017

© Авторы, 2017

Содержание

Проблемы истории России

<i>А.М. Ипатов, И.А. Каширин</i>	5
Реформирование органов государственного управления при Временном правительстве <i>Ю. В. Власова</i>	
Политика Правительства России по отношению к периодической печати (в период сербо-турецкой войны 1876 г.) <i>З.Ю. Надточий</i>	14
Традиции воспитания наследника в правление Николая I и Александра II <i>М.В. Кирчанов</i>	20
Российские исторические истоки порно-дискурса современной культуры	33

Проблемы политики зарубежных стран

<i>А.В. Погорельский</i>	
История возникновения и развития «политики добрососедства» Европейского Союза <i>И.В. Форет</i>	44
Эволюция нормативно-правового регулирования статуса беженца в ЕС <i>Nikita Nekliudov</i>	50
The EU-Russia relations: two different logics of foreign policy? <i>Р.А. Сароян</i>	57
СМИ как инструмент «мягкой силы»	63

Проблемы истории зарубежных стран

<i>В.И. Сальников</i>	
«Революция достоинства» и «Русская Весна»: сравнительный анализ <i>Е.О. Гомозова</i>	71
Массовое общество как условие возникновения тоталитаризма <i>М.В. Кирчанов</i>	79
Политические и культурные аспекты истории македонского национализма в 1920 – 1930-е годы <i>Н. Садовников</i>	83
Le Rare Noir: проблемы духовной и идеологической биографии Франсуа Дювалье	94

Проблемы регионализма и регионализации

<i>А.А. Глазунова</i>	
Отношения между «центром» и «периферией» в рамках ЕС в свете экономического кризиса <i>И.В. Касымов</i>	101
Европейский Союз и борьба с траффингом: проблемы и перспективы <i>О. Латышева</i>	105
Калифорния как исторический и политический регион	107
<i>Сведения об авторах</i>	114

Проблемы истории России

А.М. Ипатов, И.А. Каширин

Реформирование органов государственного управления при Временном правительстве

В статье анализируются попытки Временного правительства реформировать органы государственного управления с целью легитимизации собственной власти. Исследуется борьба между Временным правительством и Петроградским Советом, итогом которой стал приход к власти большевиков.

Ключевые слова. Временное правительство, Петроградский Совет, революция, легитимность, органы государственного управления.

The article analyzes the attempts of the Provisional government to reform the public administrations with the aim of legitimizing their own power. It examines the struggle between the Provisional government and the Petrograd Soviet, which resulted in the rise to power of the Bolsheviks.

Key words: Provisional government, Petrograd Soviet, revolution, legitimacy, public administration.

В последние годы в отечественной историографии был опубликован ряд работ, посвященных политике Временного правительства в области реформирования системы государственного управления. Одним из дискуссионных вопросов, требующих детального изучения, является вопрос о легитимности власти Временного правительства. По мнению историка И. П. Климова, «каждая власть может нормально функционировать, если она легитимирована. Легитимной является та власть, которая учреждена, сформирована в соответствии с процедурами, предусмотренными нормами права, если она осуществляет волю народа, закрепленную в законе» [3; с. 144].

Н. М. Таирова отмечает, что в процессе создания Временного правительства участвовали как законодательные органы – Государственная Дума (ГД), так и общественные силы – Совет рабочих и солдатских депутатов (СРСД), его Исполнительный комитет (ИК), ценовые и пролетарские слои населения [8; с. 12]. Исследовательница акцентирует внимание на том, что на протяжении всего периода функционирования Временного правительства его претензии на единоличную власть в стране ставились под сомнение Петроградским советом. Взаимное

недоверие мешало проведению многих столь необходимых реформ и привело в итоге к октябрьским событиям 1917 года.

О намерениях Петроградского Совета писал в мемуарах большевик Ф. Ф. Раскольников: «Вместе с этим мы не скрывали, что решительно не доверяем Временному правительству и сохраняем за собой право критики. Подчеркнули также, что будем вести борьбу за то, чтобы по всей России вся полнота политической власти перешла в руки Советов» [5; с. 82]. Перед членами Временного правительства, таким образом, стояла первоочередная задача – заставить Совет свернуть свои претензии на единовластие или «двоевластие». Добиться ее выполнения можно было двумя путями. Во-первых, изданием различных манифестов. Во-вторых, приведением к присяге представителей всех «этажей» государственной власти, а также армии и народа.

А. Ф. Керенский, понимая, что крах Сената будет для общественности сигналом о низвержении государственной власти в России, приложил максимум усилий для сохранения его жизнеспособности. Будущий глава правительства предоставил на обсуждение членам Сената два документа – Акт об отречении Государя Императора Николая II от престола Государства Российского и о сложении с себя верховной власти и Акт об отказе великого князя Михаила Александровича от принятия Верховной власти впредь до установления Учредительным собранием образа правления и новых основных законов Государства Российского. Сенат, понимая безвыходность своего положения, принял оба акта. Таким образом, Временное правительство сделало первый шаг на пути легитимизации своей власти. Бывший член Государственной Думы, убежденный монархист В. В. Шульгин, участвовавший в отречении Николая II, через несколько лет после этого с горечью рассуждал о политическом строе России после Февральской революции: «И не республика и не монархия... Государственное образование без названия» [11; с. 280].

Следующим шагом должно было стать подчинение армии. Для решения этой задачи требовалось сломить сопротивление Петроградского совета, призывавшего солдат и офицеров подчиняться именно ему. Временное правительство в сложившихся обстоятельствах решило прибегнуть к процедуре присяги, новая форма которой для всех чинов армии была утверждена постановлением Временного правительства от 7 марта. Уже 9-го числа текст присяги был опубликован в «Вестнике Временного правительства» и газете «Речь», а также разослан по всем воинским частям. Это вызвало протест со стороны Совета, решившего

выработать свой вариант присяги. Однако возникшие разногласия по формулировке присяги привели к тому, что Исполнительный Комитет передал вопрос на рассмотрение Солдатской комиссии [8; с. 14].

Члены Временного правительства считали новую присягу мерой для ликвидации претензий Совета на двоевластие, а также формой народного признания, которая должна была легитимировать «министерство доверия». Несмотря на то, что присяга прошла на формальном уровне, на деле Петроградский Совет заставил Временное правительство признать право тех частей, которые отказались присягнуть, на подобное решение. Исследовательница А. А. Смирнова отмечает, что в начале апреля 1917 г. лидеры Петроградского Совета находились на вершине своего политического могущества: на второй месяц революции стало еще более очевидно, что именно столичный совет является руководящим органом не только революционной демократии, но и армии, широких народных масс [6; с. 162].

Определенную поддержку получили министры от Петроградской интеллигенции. Кроме того, телеграммы в поддержку Временного правительства приходили со всех областей России. Даже среди членов Дома Романовых Временное правительство нашло своих сторонников. По этому поводу 12 марта на заседании (№ 16) обсуждалось устное предложение Керенского о желательности опубликования телеграммы вел. кн. Николая Николаевича и других великих князей о принесении ими присяги на верность Временному правительству [8; с. 16].

Вопрос о присяге все время откладывался, так как министры Временного правительства опасались потерять доверие Совета, а вместе с ним и большей части демократических сил. На заседании от 28 марта было решено, что в сложившихся условиях не требуется обязательное принесение присяги. Товарищ министра внутренних дел Д. М. Щепкин разослал телеграммы в города Поволжья и Черноземья, где разъяснял губернаторам, что до созыва Учредительного собрания присяга обязательна лишь для военных.

Члены Петроградского совета вновь решили вернуться к вопросу о присяге после апрельского кризиса. Однако вошедшие в коалиционное правительство министры-социалисты, понимая, что запланированная присяга министров придавала государственной службе более ответственный характер, согласились на оную при вступлении в должность. В некоторой степени позицию членов Петроградского Совета объясняют слова лидера эсеров В. М. Чернова: «Каждый день усиливает нашу позицию. Возможно не от нас зависит избрать момент, когда нам придется взять власть.

Отнестись совершенно спокойно. Наша тактика диктуется сама собой. Мы несомненно знаем, что боремся за власть, но не форсировать... Свергнуть-то всегда можно, но пробил ли час?» [6; с. 164]. Что касается Временного правительства, для облегчения своей задачи оно решило ввести три формы присяги – военную, гражданскую и присягу чинов.

Таким образом, Временному правительству удалось, пусть и не по всем пунктам, взять перевес над Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов в вопросе о принесении присяги новой власти. Члены обоих политических органов понимали, что для дальнейшего руководства страной им необходимо консолидировать свои усилия. В апреле 1917 года между их представителями состоялся ряд совещаний, сопровождаемых жаркими дебатами, на которых обе стороны решали вопрос в какой форме осуществлять предполагаемое сотрудничество. Взять на себя ответственность озвучить будущий союз взялся министр юстиции Временного правительства А. Ф. Керенский, который на бюро Исполкома Петроградского Совета заявил о вероятной реконструкции отношений между властью и представителями демократии. По этому поводу А. А. Смирнова писала: «Здесь необходимо также принять во внимание, что Керенский оставался одним из руководителей масонской организации «Великий Восток народов России», а идея коалиции была одной из главных целей русского политического масонства, в особенности, когда его ряды пополнили социалисты. Прошедшие через масонскую школу лидеры меньшевиков и эсеров не представляли себе общественную жизнь России после Февральской революции вне коалиции» [6; с. 169].

Проблему о влиянии масонов на либеральный лагерь в 1917 году исследовал С. В. Холяев. Он отмечал, что российское масонство было обычной организацией, обладавшей не большим влиянием, чем другие политические группировки. Однако, как отмечает ученый, она занимала особое место среди других политических организаций, так как у нее была особая задача: консолидировать деятельность разрозненных в России партий, добиться выработки срединной политической платформы, которую могли бы одобрить и поддержать наиболее влиятельные и крупные российские оппозиционные партии» [10; с. 173].

Не стоит забывать, что будущее коалиции с Петроградским Советом зависело в большой степени от позиции Временного правительства, а также поддерживающих его общественных сил. Н. Н. Суханов, рассуждая о необходимости получения Временным правительством поддержки у населения, писал: «Необходимо было

приобрести все это, хотя бы ценой компромисса, хотя бы дорогой ценой. Для этого было только одно действительное средство. Это – формальное бракосочетание с мелкобуржуазным большинством Совета. Любви тут не было, но был явный и очевидный расчет. Сам по себе Совет был, конечно, не желателен: но дело было в приданом. А в приданое он должен принести армию, реальную власть, непосредственное доверие и поддержку и все технические средства управления» [7; с. 152].

Непросто вопрос о коалиции решался в рамках Петроградского Совета, в котором в ходе дискуссий не удалось прийти к единой точке зрения. Проблем добавляло то, что Ю. О. Мартов писал из Швейцарии письма, в которых он от лица революционной эмиграции призывал ни в коем случае не соглашаться на коалицию с капиталистическим и империалистическим Временным правительством. Однако отставка двух наиболее последовательных сторонников продолжения участия России в Первой мировой войне до победного конца, министров П. Н. Милюкова и А. И. Гучкова, заставила членов Совета пересмотреть свое отношение. В то же время, отечественный исследователь А. Ю. Гаврилов отмечает, что не желавшие сотрудничества меньшевики-интернационалисты доказывали, что «не участие в социалистов в кабинете, а, наоборот, давление Советов на Временное правительство заставит его отказаться от политики, которую проводил П. Н. Милюков, и приступить к переговорам, направленным на скорейшую ликвидацию войны» [1; с. 123].

На бюро Исполнительного комитета Совета 1 мая 1917 года проходило голосование по вопросу о коалиции с Временным правительством. В итоге, согласие на сотрудничество высказали меньшевики, эсеры, народные социалисты и трудовики; против высказались большевики и меньшевики-интернационалисты. Распределение голосов – 44 за, 19 против и 2 воздержались, – означало согласие на сближение с Временным правительством. Через несколько дней, 5 мая 1917 г. депутаты Петроградского Совета на своем заседании единодушно одобрили действия Исполкома по созданию коалиционной власти и утвердили «своих» министров-социалистов. Ими стали А. Ф. Керенский и В. М. Чернов от эсеров, М. И. Скобелев и И. Г. Церетели от меньшевиков, П. Н. Переверзев и А. В. Пешехонов от народных социалистов. Как отмечает А. А. Смирнова, «послав своих представителей во Временное правительство, социалистические партии тем самым взяли на себя ответственность за его политику и

очень скоро убедились в рискованности этого исторического решения» [6; с. 172].

В советской историографии сложилась точка зрения, что Временное правительство не внесло серьезных изменений в систему управления и опиралось на доставшийся ей от Царского правительства государственный аппарат. Однако даже беглый взгляд на эту проблему позволяет выдвинуть контраргументы. Во-первых, были ликвидированы министерство императорского двора и уделов и царская канцелярия. Во-вторых, были упразднены ненавистные населению жандармский корпус, департамент полиции, Особое присутствие правительствующего Сената и Главного управления по делам печати. В-третьих, в целях укрепления связи государства с церковью в августе был упразднен Синод и образовано министерство вероисповеданий [3; с. 145]. Не стоит забывать и о том, что 5 марта 1917 года при министерстве юстиции была образована Чрезвычайная следственная комиссия, основной задачей которой было расследование противозаконных действий прежней власти. По мнению Н. А. Коваленко, Временное правительство, решая задачу примирения общества, укрепления своего авторитета, прежде всего, старалось как можно скорее вычеркнуть из памяти народа все то, что так или иначе было связано со старым режимом [4; с. 15]. Однако деятельность комиссии была противоречивой и не принесла ожидаемых результатов.

Для укрепления власти в регионах министры Временного правительства приступили к реформированию властных структур на местах. Для этой сферы были характерны два процесса – демократизация и децентрализация. Уже в первые дни революционных событий Временное правительство создавало в провинции в противовес Советам Комитеты общественных организаций. В то же время местные земские и городские органы самоуправления стали избираться на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. К активным действиям по укреплению власти на местах Временное правительство подталкивала активизация революционного движения в провинции.

Исследователь И. А. Тропов обращает внимание на сложную обстановку, в которой назначенным Временным правительством комиссарам приходилось приступать к работе: «Стремительность и масштабность произошедшего в февральские дни переворота привели к тому, что многие из новоявленных комиссаров просто не были готовы к исполнению возложенных на них обязанностей и слабо представляли себе свои функции» [9; с. 179]. Более того, Временное правительство не спешило посылать комиссарам

инструкции с разъяснением их обязанностей. Проблема осложнялась также тем, что чаще всего местная общественность очень ревниво относилась к назначению местным руководителем представителей центральной власти. Ведь еще до назначения Временным правительством комиссаров, в провинциях сформировались общественные исполнительные комитеты, которые демократическим путем желали выдвинуть своих лидеров. Именно поэтому весной 1917 года разразился кризис местной администрации, выразившийся в том, что в марте-апреле многие комиссары покинули свой пост либо по собственной инициативе, либо были смещены местными общественными комитетами. Это вынудило Временное правительство согласиться на тесное сотрудничество назначаемых комиссаров и представителей демократических общественных комитетов. Однако эта уступка со стороны центральной власти стала для комитетов сигналом того, что от Временного правительства можно добиваться большего, что, безусловно, лишь осложняло административную деятельность комиссаров на местах.

Специальным Законом о милиции от 17 апреля 1917 года она назначалась исполнительным органом государственной власти. В городах милиция подчинялась земским властям, в сельской местности – уездным. В губерниях министром внутренних дел назначался правительственный инспектор милиции. Как отмечает О. Ф. Гордеев, «это должностное лицо не подчинялось земству или городу, зависело только от министра и губернского комиссара. Он мог указать на неправильность в работе милиции, потребовать от земства или города отстранить от должности некомпетентного начальника милиции» [2; с. 365].

Неразработанность правовой базы деятельности правительственных комиссаров создавала им дополнительные проблемы, так как приходилось исполнять и старые законы, и новые. Лишь 19 сентября 1917 года было принято положение о губернских и уездных комиссарах. Но, как отмечает И. А. Тропов, «самым серьезным испытанием для правительственной власти в рассматриваемый период стало нарастание общественного недовольства в различных слоях российского общества, дальнейшая поляризация общественно-политических сил, рост неповиновения властям, как в столице, так и в провинции» [9; с. 180]. Ученый подчеркивает, что исследование переписки комиссаров позволяет сделать вывод об их достаточной осведомленности положением дел на вверенных им территориях. Среди направлений деятельности правительственных комиссаров стоит отметить попытки сдерживать развитие революционных идей в солдатской и крестьянской среде.

В конце лета – начале осени 1917 года наступил новый кризис местного правительственного аппарата, который не мог справиться с угрозами, как от социалистов, так и от сторонников Л. Г. Корнилова. Однако власти предпринимали попытки наладить положение на местах. Так закон от 22 сентября предусматривал меры по упорядочению земских финансов. Планировалось установить надбавку в пользу земств к государственному подоходному налогу, установить обложение сельских построек, даже тех, что не приносили доход, устанавливать специальные сборы с владений, получавших преимущества от различных хозяйственных мероприятий, наконец, разрешались сборы с железнодорожных и водных грузов.

В конечном счете, несмотря на предпринимавшиеся попытки, Временному правительству не удалось взять власть в провинции в свои руки, что во многом предопределило его крах.

Библиографический список

1. Гаврилов А. Ю. Борьба за власть и борьба во власти (меньшевики в 1917 г. и Временное правительство) / А. Ю. Гаврилов // Власть. – 2009. – № 7. – С. 122-125.
2. Гаврилов А. Ю. Борьба за власть и борьба во власти (меньшевики в 1917 г. и Временное правительство) / А. Ю. Гаврилов // Власть. – 2009. – № 7. – С. 122-125.
3. Климов И. П. К вопросу о двоевластии в России после Февральской революции 1917 г. / И. П. Климов // Академический вестник. – 2009. – № 2. – С. 142-146.
4. Коваленко Н. А. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства (март-октябрь 1917 г.): дело «темных сил» / Н. А. Коваленко // Научный вестник МГТУ ГА. – 2010. – № 155. – С. 15-21.
5. Раскольников Ф. Ф. На боевых постах (Военные мемуары) / Ф. Ф. Раскольников. – М.: Воениздат, 1964. – 352 с.
6. Смирнова А. А. Петроградский Совет и проблема вхождения социалистов во Временное правительство в апреле-мае 1917 г. / А. А. Смирнова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 2. – С.162-174.
7. Суханов Н. Н. Записки о революции: В 3-х т. Т. 3 / Н. Н. Суханов. – М.: Политиздат, 1992. – 415 с.
8. Таирова Н. М. К вопросу о легитимности власти Временного правительства / Н. М. Таирова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2007. – № 2. – С.12-19.
9. Тропов И. А. Кризис местной правительственной власти в России весной-осенью 1917 г. / И. А. Тропов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 4 (10): в 3-х ч. Ч. II. – С. 178-181.
10. Холяев С. В. Влияние масонов на либеральный лагерь в 1917 году / С. В. Холяев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2011. – № 19. – С. 173-184.
11. Шульгин В. В. Дни. 1920: Записки / В. В. Шульгин. – М.: Современник, 1989. – 559 с.

**Политика Правительства России
по отношению к периодической печати
(в период сербо-турецкой войны 1876 г.)**

В статье анализируется отношение правительства к участию России в сербо-турецкой войне 1876 г. Предпринята попытка доказать степень влияния органов печати на правительственную политику и общественные настроения.

Ключевые слова: правительство, печать, Александр II, восточный кризис 70-х гг. XIX в., сербо-турецкая война 1876 г., Горчаков А. С.

The article analyzes the attitude of the government to the Russian participation in the Serbo-turkish war of 1876, an attempt was made to prove the degree of influence of the press on the government policies and the public mood.

Key words: the government, the press, Alexander II, who eastern crisis XIX century, Serbo-turkish war of 1876, Gorchakov A.

В 70-е гг. XIX века Россия имела много нерешенных проблем в области как внешней, так и внутренней политики. В числе основных следует назвать незавершенность государственных реформ и не до конца преодоленные последствия Крымской войны, обернувшейся для России ощутимой потерей международного престижа и утратой целого ряда позиций, игравших существенную роль в политической расстановке сил в Европе. Но то, что подчас изумляло Запад, в самой России нередко признавалось ее достоинством. Считалось, что самодержавный монарх в отличие от конституционных правительств, находящихся в плену «национального эгоизма», способен проводить политику «по велению души», «на благо чистой справедливости», «во имя рыцарской чести» [1].

Несмотря на желание России действовать во внешней политике не в противовес европейской дипломатии, Александр II еще с начала боснийско-герцеговинского восстания проявил некоторую двойственность. По свидетельству М. Х. Рейтерна, государь придавал большое значение прецедентам: «Ему казалось, что, если, после продолжительного мирного царствования, наступит война, то он ее не доведет до конца и подобно отцу не вынесет бремя» [2, с.181]. Казалось бы, что подобные сомнения, подкреплявшиеся также и самолюбием императора, ревниво оберегавшим «свою самодержавную власть от всякого вмешательства» [2, с.183], должны были исключить всяческие колебания относительно выбранного пути решения восточного кризиса. Но этого не произошло. Современники событий считали, что причины данного положения дел следует искать в ближайшем окружении Александра II.

По мнению Ю. Карцова, император испытывал сильное влияние со стороны славянофильского кружка императрицы Марии Александровны [3, с.15]. «Разве можно иметь бескорыстную политику? – недоумевал «про себя» Валуев, почтительно выслушивая «наивные по невинности» рассуждения государыни. – При чьей помощи, на чей счет и по какой цене можно ее вести? Разве кровь русских, смерть в госпиталях, страдания и слезы семейств, разорение частных лиц и государств не имеют цены? Кто ими распоряжается? Кто рыцарски приносит их в дар фразе о бескорыстии? Подобный бессознательный эгоизм чудовищен» [4, с. 298].

Важно отметить, что фрейлиной е. и. в. была А. Ф. Тютчева, являвшаяся в свою очередь женой главы Московского славянского комитета И. С. Аксакова, характер влияния становится очевидным. Интересное свидетельство о составе этого кружка оставил К. Головин, назвавший в числе его участников графиню А. Д. Блудову, которая «в своей гостиной в Зимнем дворце умела собирать вокруг себя бурную молодежь и убеленных сединами сановников, политических попов и благочестивых дам, говоривших на отборном французском языке» [4, с.299], а также дочерей Ф. И. Тютчева, камер-фрейлину Дарью и Анну. Кроме них в кружок входили гр. Протасов, бар. Раден, гр. Тизенгаузен, г-жа Мальцева и кн. С. А. Гагарина. «Таким образом, - подводит итог Головин, - в 1876г. вся придворная атмосфера была пропитана славянофильским запахом», что явилось, по его мнению, «прямым отголоском взглядов имп. Марии Александровны» [4, с.305].

В дневнике Д. А. Милютина есть упоминание и о другом сиятельном «оппозиционере» официальному внешнеполитическому курсу. Речь идет о наследнике престола, который, по словам военного министра, «принимал и продолжает принимать самое деятельное участие в славянском деле. К сожалению, к нему втираются в доверие такие пройдохи, каков, например, Ростислав Фадеев и ему подобные. Исходящая из Аничкова дворца агитация идет совершенно вразрез к принятой официальной политике» [5, с.45].

Кроме того, М. А. Рейтерн упоминал о значительном числе приближенных ко двору лиц, «пользовавшихся случаем принять участие в славянской агитации и имевших огромное влияние» [2, с.183].

Но, на наш взгляд, приписывать причины двойственности политики русского правительства в период восточного кризиса 70-х годов XIX в., а в частности во время сербо-турецкой войны 1876 г., только влиянию ближайшего окружения на государя, довольно субъективно и необоснованно.

Тем более что это не означало отсутствия противоположного взгляда в правительстве России на ее роль в восточном вопросе. Так,

представители правительственных кругов: Н. В. Мезенцев, П. А. Шувалов, А. Д. Потапов были противниками помощи славянам, поскольку боялись возможного союза повстанцев с революционными элементами. Столкновение мнений наблюдалось как в придворной, так и в министерской среде и в частности в МИД, где линия А. М. Горчакова встречала мощное противодействие со стороны русского посла в Константинополе Н. П. Игнатьева и директора азиатского департамента МИД П. Н. Стремоухова. Эта борьба, в которой тесно переплетались государственные интересы и личные амбиции, безусловно, внесла разлад в первоначальные замыслы императора, все больше окрашивая их в патриотические тона по мере углубления кризиса на Балканах.

Колебания правительства наглядно проявились в целой серии взаимопротиворечащих друг другу действий. Еще во время боснийско-герцеговинского восстания, князь Мещерский отмечал: «уже месяц спустя после восстания ... правительство разрешило подписки в газетах в пользу нуждающихся семейств герцеговинцев ... и сам государь дал на эту цель из своих средств личных десять тысяч рублей» [6, с.268], но в то же время, как считал автор, «петербургский кабинет к концу 1875г. был в полном согласии с другими европейскими кабинетами и, не взирая на русские симпатии в пользу славян, решительно высказывался против всякого вмешательства России» [6, с.272].

Эта двойственность наиболее ярко проявилась в период сербо-турецкой войны 1876г. Министр финансов Рейтерн, являвшийся непримиримым противником военного вмешательства России, заявлял в своих воспоминаниях, что «государь искренне желал покончить эти дела миролюбиво и что агитация, сербская война, добровольцы и т. п. были ему в душе противны» [2, с.181]. Но свидетельства Головина и Милютина позволяют в этом усомниться. Так Головин указывал, что «правительство сквозь пальцы смотрело на отъезд русских добровольцев, для участия в сербо-турецкой войне» [4, с.300]. Еще более красноречиво данный факт отражен в дневниковых записях Д. Милютина: «Сегодня, при докладе опять я должен был спросить приказания относительно тех офицеров, которым отставки были приостановлено, но которые, не дождавшись формального увольнения, уехали в Сербию и давно уже там воюют. И тут государь оказал чрезвычайную мягкость ... разрешив им всем дать отставки и как-то неохотно согласился лишь на мое предложение произвести расследование» [5, с.461].

В конце сентября в Ливадию из Москвы приехал А. Пороховщиков, один из деятелей славянского благотворительного комитета. Он желал говорить с государем «об участи Сербии» и предупредить его об опасности, грозящей правительству, если оно останется равнодушным к

славянскому делу. Известно, что государь его принял и не отпускал от себя полтора часа, входя «в самые задушевные объяснения» с человеком, которого видел первый раз в жизни; «два раза даже заплакал и как будто оправдывал свои действия» [5, с.83-85]. Возвратившись в Москву, Пороховщиков своими «рассказнями» об оказанном ему высочайшем доверии смутил до крайности представителей «высшего правительства», оставшихся в Петербурге. Шеф жандармов Мезенцев, желая все же удостовериться, не врет ли Пороховщиков, писал о нем министру двора и самому государю, а министр государственных имуществ Валуев, убедившись в том, что Пороховщиков правдиво передает подробности своей беседы с царем, испытал чувство, которое не мог выразить иначе как французским словом «cauchemar» [7, с.392-393]! Военный министр Д. Милютин писал И. С. Аксакову в связи с этим следующие: «На письмо ваше от 29 сент. имею честь Вас уведомить, что г. Пороховщиков, прибыв в Ливадию, в разговоре своем со своими, здесь находящимися лицами, объяснял настоящее настроение народа в России, крайне затруднительным положением, до которого доведена Сербия, необходимость правительственной поддержки для нас и прочее. При этом он не выдавал себя за уполномоченного Славянского комитета ... я заявил ему, что отправление в Сербию добровольцев возможно исключительно из отставных офицеров и что дело это не касается Военного министерства» [8].

«Я из всех сил стараюсь улаживать мирное разрешение дела, а печать хочет меня поспорить с Европою ... » – сетовал на общественное мнение император, в то же время, говоря: «я жду многого от такого проявления общественной деятельности, лишь бы она сумела остаться общественною, не выдавая правительства»¹⁴⁶.

Таким образом, в данной ситуации наблюдался явный разлад между официальной политикой, сохранявшей миролюбивые настроения и единство со своими союзниками, и «предполагаемыми намерениями, о которых публика здесь и за границей могла судить по внешним признакам»¹⁴⁷.

Подобная двойственность наблюдалась и в политике правительства по отношению к периодической печати. Так, несмотря на суровые санкции, постигшие «Гражданин», после публикации статьи «Славянская летопись», Александр II отнесся к ней достаточно благосклонно, заметив, что «она горяча и необузданна, но в ней есть верные мысли»¹⁴⁸. Уместно также вспомнить и о том покровительстве, которое оказывал В. И. Мещерскому наследник Александр Александрович. Подобным же образом определялось и отношение к газете «Русский мир», также пользовавшейся покровительством таких влиятельных лиц, как наследник, весьма благоволивший к одному из инициаторов создания

газеты Р. А. Фадееву, близкий к императору кн. А. И. Барятинский и, наконец, имевший значительную поддержку при дворе И. С. Аксаков.

Главнуправляющий по делам печати В. В. Григорьев имел немало оснований не только приостановить, но и запретить выпуск подобных изданий. В 1876 г. предостережения были сделаны «Санкт-Петербургским ведомостям», «Голосу», «Молве», «Недели», преимущественно они касались статей, посвященных восточному кризису¹⁴⁹. В июне 1876 г. последовала также задержка выпуск очередного номера «Отечественных записок» за ряд статей, в том числе «Воевать или не воевать»¹⁵⁰. Но если приостановка «Молвы» была вполне закономерна, учитывая ее не проправительственное направление, то три приостановления «Гражданина» и два предупреждения «Русскому миру» нельзя считать суровыми санкциями. Сами же наказания свидетельствовали, вероятнее всего, о том, что в отмеченных цензурой статьях имелся слишком явный пропагандистский акцент, ставивший русскую политику в затруднительное положение в глазах всей Европы, мимо которого нельзя было пройти без риска быть обвиненным в потворствовании славянофильским идеям.

Можно предположить, что правительство России в отношении периодической печати, руководствовалось не только патриотическими настроениями в пользу славянофильства. Сложная внешнеполитическая ситуация в Европе в 70-х годах, вызванная национально-освободительным движением балканских народов, активизировавшаяся политика европейских держав в этом регионе, имевших целью передел сфер влияния, способствовали активизации политики русского правительства на Балканах. На фоне этих событий уместно предположить, что усиление патриотических настроений, связанных с борьбой славянских народов за свою независимость, полностью отвечало интересам правительства, даже ценой потери доверия со стороны европейских держав, так как невмешательство России в судьбы Балканских народов могло спровоцировать уменьшение влияния и роли последней на политику Балканских государств.

Каково же было влияние прессы на общество, можно судить не только по уже приведенным примерам возросшего интереса к балканской политике, выразившейся в добровольческом, санитарном движении, сборе пожертвований, но и по тому, что ни один из лозунгов революционных демократов, выдвигавших требования антивоенного характера, и даже призывов к саботажу, не нашел отклика в общественных кругах.

Следовательно, ставка, сделанная правительством на печать, и в частности на правое ее крыло, оказалась верной, хотя, как видим, не обошлось без издержек. Славянофильская идея, заставляла

петербургский кабинет неоднократно сносить обвинения в ведении двойной игры и поощрении наиболее агрессивных представителей прессы. Несмотря на это, статьи печати разных направлений, носившие провокационный характер по отношению к собственному правительству, оставались без последствий.

Своим отношением (как правило, достаточно либеральным) к подчас весьма резким мнениям, выражаемым в периодической печати разных направлений по поводу сербо-турецкой войны, правительство показало, что в отношении сербского вопроса вынуждено в определённой степени считаться с общественным мнением, по большей части исходя из признания совпадения интересов правительства и общества в данном регионе. Отношения между правительством и обществом, чья точка зрения во многом отражалась на страницах периодической печати в период сербо-турецкой войны 1876г. по праву можно назвать особенными. Так, в условиях самодержавного строя имел место хотя и не продолжительный, но все же выход отдельных средств массовой информации из-под контроля правительственных органов, в результате которого на страницах данных газет звучали не только патриотические призывы, возбуждавшие общественные умы, но и прямое несогласие с действиями и взглядами самого правительства.

Библиографический список

1. Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. Сб. Док. М., 1986. Док. 60.
2. Рейтерн М. Х. Биографический очерк. СПб., 1910. – С.181.
3. Карцов Ю. За кулисами дипломатии. СПб., 1908. – С.15.
4. Головин К. Мои воспоминания. В 2 тт. Т.1. СПб., 1881. – С.298-299.
5. Милютин Д. А. Дневник. В 2 тт. Т.2. М., 1949. – С.45.
6. Мещерский В. П. Мои воспоминания ... – С.268.
7. Валуев П. А. Дневник. В 2 тт. Т.2. – С.392-393.
8. РГВИА. Ф.846. ВУА. Оп.1. Д.3. Л.74.
9. Освобождение Болгарии от Турецкого ига. Т.1. Док. 173; Док. 167.
10. Розенберг Вл., Якушин В. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905. – С.199.
11. Белов Е. Результаты войны России с Турцией. - // Древняя и новая Россия, - 1877, №8. – С.254.
12. Отечественные записки, №9, сентябрь 1876.

Традиции воспитания наследника в правление Николая I и Александра II

В статье показано, как родственные связи влияют на ход исторических событий, в чем сильные и слабые стороны семейственности, почему жизнь целых поколений зависит от представлений друг о друге родителей и детей. Во второй половине XIX в. царская семья стала символом репрезентации власти императора, в которой наследнику отводились одна из главных ролей. В работе рассматривается, как монархи использовали (или не использовали) свои собственные образы и образы своих близких в династической политике.

Ключевые слова: династия, наследник, император, царская семья, преемник власти, императорский дом.

The article shows how family ties influence the course of historical events, what the strengths and weaknesses of nepotism, why the life of generations depends on the perceptions of each other parents and children. In the second half of the XIX century. the royal family has become a symbol of the power of representation of the emperor, in which the Empress and the heir to set aside one of the main roles. This paper considers how monarchs have used (or not used), your own images and images of their loved ones in dynastic politics.

Keywords: dynasty, the heir, the emperor, the royal family, authorities successor, the imperial house.

Семейный сценарий, культивируемый Николаем I, увеличивал символическую роль наследника, олицетворяющего будущее династии. Тем самым, подданным внушалась мысль, что забота о любимом сыне есть попечение о благе всего народа. В результате крайне необходимой становилась подготовка цесаревича к престолу. Если в XVIII в. наследник должен был представлять философский идеал гражданской доблести, то теперь он нес образ нравственного совершенства. Упреки воспитателей и ледяные взгляды отца напоминали мальчику, что каждый его шаг внутри семьи будет иметь последствия в масштабах всей страны. Его подготовка к правлению приобретала публичный характер.

Великий князь Александр Николаевич родился 17 апреля 1818 г. Организацией воспитания внука занялась императрица Мария Федоровна. В июле 1824 г. к нему был назначен воспитателем Карл Карлович Мердер, который вплоть до своей смерти в 1834 г. оставался гувернером великого князя. Ольга Николаевна, дочь императора, тепло вспоминала о Мердере: «Он был прирожденный педагог, тактичный и внимательный. Правилам его работы было развить хорошие черты ребенка и сделать из него честного человека...» [8]. Однако не стоит преувеличивать педагогические способности Карла Карловича, ибо его главной установкой было безупречное поведение и послушание наследника перед своими высокопоставленными родителями.

Мердер руководствовался «Планом воспитания и образования принца», написанным в начале XIX в. немецким поэтом Арндтом. В

отличие от прежних педагогических взглядов, когда наследника стремились изолировать от развращенной дворцовой среды, план Арндта состоял в том, чтобы ввести мальчика в мир чувствующей общественной личностью. Контакты с друзьями-сверстниками помогут наследнику понять кто все-таки достоин доверия. Главная роль в воспитании принца принадлежит его родителям: матери отводится вера и гармония; отцу – сила, порядок, радость и страх.

Однако воспитание по плану Арндта отнюдь не давало ожидаемых результатов. Даже после удачно сданных зимой 1828 г. экзаменов, которыми остался доволен Николай I, в своем отчете Мердер заключает, что это результат не столько собственного труда ученика, сколько усилий учителей. Наставник приходит к выводу, что «лень у Александра Николаевича есть главный недостаток, от которого проистекают все прочие»: самоуверенность, отсутствие сильных желаний, настойчивости, временами повторяющиеся периоды апатии, недостаток воли. Стимулом для усердия и энергичной деятельности часто является не внутренняя потребность, а тщеславие, стремление угодить отцу, заслужить похвалу родителей и учителей, получить отметки не ниже своих товарищей по учебе [9].

Дневник Мердера пестрит негативными оценками поступков Александра. Так, он отмечает, на свои неудачи великий князь реагировал слезами, что сердило Николая, считавшего такое поведение не соответствующим предстоящей наследнику демонстрации силы. Также Мердер заметил, что великий князь «менее заботиться о том, чтобы делать меньше ошибок, нежели хлопочет об отыскании ошибок, делаемых Паткулем [второй совоспитанник цесаревича], и что еще хуже, радуется, когда оные находит».

Но строгость наставника вполне объяснима. Он обращается к наследнику: «веря нам, приучайтесь действовать сами, без понуждения, произвольно, просто из любви к должности; иначе не сделаетесь образцом для других; не будете способны предписывать закона и не научите никого исполнять закона, ибо сами не будете уметь исполнять его». Здесь проводится линия, начатая еще Павлом I, что государь должен быть первым среди равных (имеется в виду по нравственной ответственности), а Мердер лишь внушает Александру эту мысль, полностью соотнеся ее со сценарием власти Николая I [1].

В 1826 г. главным воспитателем и наставником наследника был назначен Василий Андреевич Жуковский. Главный принцип воспитания цесаревича, выдвинутый им – воспитывать не только будущего государя, но и человека, в самом высоком значении этого слова, внушая «чувство уважения к человеческой личности и христианскую любовь к ближнему». Это искание человечности проведено было Жуковским

красной нитью через всю систему воспитания великого князя Александра, и ее же он требовал, как главного руководящего качества от наставника. Василий Андреевич восхищался теориями швейцарского педагога Песталоцци, особенно его принципом: «Все для других, ничего для себя». Наставник постоянно напоминал Александру об ожидающем его высоком призвании. Государь должен олицетворять нравственную силу, которая поможет обратить энергию народа в правильное русло. Поэтому Александр Николаевич был первым русским наследником престола, воспитанным в убеждении, что одобрение народа является важной моральной основой самодержавного правления [10].

О педагогических способностях Жуковского существуют различные мнения. В частности его непосредственная ученица великая княгиня Ольга Николаевна много позже вспоминала, что «склонна признать за ним красоту чистой души, воображение поэта, человеколюбивые чувства и трогательную веру. Но в детях он ничего не понимал». Василию Андреевичу не хватало понимания детского мышления. Обладая философским складом ума, он едва ли мог помыслить, что детям нельзя привить непонятные им суждения.

Жуковский представил свой «план учения» государю осенью 1826 г. В соответствии с ним обучение длилось с 8 до 20 лет и делилось на 3 периода:

- I. 8 – 13 лет – подготовительное учение;
- II. 13 – 18 лет – учение подробное;
- III. 18 – 20 лет – учение применительное.

Причем более всего был разработан третий период, включавший обозрение приобретенных знаний; взгляд на обязанности человека в обществе; отчет в самом себе, перед самим собой и утверждение в правилах добродетели; выяснение общего значения человека в жизни и государя – в особенности [11].

Жуковский считал, что «история из всех наук самая важная, важнее философии, ибо в ней заложена лучшая философия, т.е. практическая. Она должна быть главной наукой наследника престола». Наставник сосредоточился на средних веках. Образцом, который он представил цесаревичу, был князь Александр Невский. На Новый 1828 г. Василий Андреевич подарил 9-летнему Саше картину. Она изображала Александра Невского мальчиком примерно того же возраста, стоящим на краю утеса и осматривающим свои земли. В тот момент, объяснил Жуковский, Невский еще не совершил ничего великого, но он всегда чувствовал, кто он, к чему готовится и чего от него ожидают. Три года позже Александр сообщил своему воспитателю об уроке, извлеченном из этой картины. По мнению наследника, князь был канонизирован не за его религиозную веру, а за политический поступок –

«в знак благодарности за его самопожертвование для блага общего», ибо покорение Невского татарам было актом смирения. Таким образом, Невский Жуковского был смиренной и покорной личностью, величие которой было в благородной безропотности. Его скромность позволила ему подчинить себя благу страны, желаниям народа [8].

По плану наследник воспитывался с одноклассниками: в конце 1827г. к Александру присоединились два мальчика из знатных семей, Иосиф Виельгорский и Александр Паткуль. Целью педагогов было создание устойчивого «тройственного союза», объединившего во многом несходных детей: беззаботный лентяй Паткуль и ответственный Виельгорский. Наследник занял промежуточное положение между двумя товарищами [9].

Поэт надеялся сделать своих учеников самостоятельно мыслящими людьми, которые живут по внутренним моральным законам, принятым ими на себя добровольно, но от того не менее строгим. Лишь строгое исполнение своей должности во имя правила делает человека достойным уважения. Постоянные упреки учителей убедили Александра Николаевича, что существует комплекс высших ценностей, которые он не вполне понимает и которым никогда не сможет соответствовать. В отличие от отца и от своих приемников на престоле, он был скромнее; будучи царем, он был способен уступить преобладающим идеям и, приняв совет других, принимать критику власти, чтобы завоевать любовь своего народа [2].

Николай Александрович родился 8 сентября 1843 г. Первой воспитательницей была сама Мария Александровна, а затем приглашена для обучения наставница Вера Николаевна Скрыпицына. С самого начала обучения Николая предпочитали воспитывать в окружении своей семьи. Его товарищами по классу станут братья, великие князья Александр и Владимир, которые уже не были средствами к достижению цели. Особенностью воспитания Николая было и влияние военных. Уже в 1848г. к трем сыновьям Александра Николаевича был определен унтер-офицер Тимофей Хренов для обучения их маршировке и обращению с оружием [12].

17 апреля 1849 г. воспитателем был назначен генерал-майор Николай Васильевич Зиновьев. Чтобы наставник был военным, желали и император Николай I, и цесаревич Александр. Николай I не хотел повторять ошибок, допущенных при воспитании сына, а потому активно участвовал в образовании внука, дабы тот стал первоклассным офицером. Военное искусство олицетворяло европейскую монархию первой половины XIX столетия. Поэтому и главная задача Зиновьева состояла в том, чтобы приучить великих князей к военному делу, внушив охоту к нему, как к неперемнной принадлежности их сана. Летом 1849г. к

нему в помощники был определен полковник Григорий Федорович Гогель [1].

С 9 лет Николая Александровича начал обучать Яков Карлович Грот, который преподавал гимназический курс. Сам Грот утверждал, «пусть только каждый трудится... помня, что важна не его отдельная деятельность, а сумма всех деятельностей, направленных к одной цели – общему благу». Поэтому выработка твердого характера и воли при помощи непрерывного труда, развитие религиозно-нравственного чувства и зрелых убеждений, покоящихся на верных понятиях и познаниях – таковы элементы, которые, по Гроту, должны быть положены в основу всякой воспитательной системы.

На первое время Яков Карлович составил для Николая миниатюрную грамматику на примерах из лучших поэтов и писателей. Благодаря этому великий князь овладел законами русской речи и умел красиво и лаконично изложить свои мысли. По свидетельству Грота, мальчик всякий предмет схватывал быстро, но приобретенные знания нетвердо удерживались в его памяти. Поэтому-то для достижения желанных результатов наставник придерживался диалектического способа преподавания, т.е. заставлял своих учеников самих додумываться до ответов и таким образом приобретать те сведения, которые могли бы приобретаться путем запоминания [13].

Вне классов у Грота почти не было общения со своими учениками, впрочем, как и личного доклада у их родителей, что входило в расчеты военных воспитателей. Со смертью Николая I сложившееся положение вещей не изменилось. Лишь после подписания Парижского мира ведущие фигуры в правительстве и обществе такие, как министр иностранных дел А. Горчаков, дипломат В. Титов, а также историки М. Погодин и К. Кавелин заговорили об обучении наследника. Они указывали на расхождение между узким военным образованием цесаревича и образом национального лидера, который стремится к социальному и экономическому прогрессу, представленного в сценарии Александра II. Они призвали императрицу Марию Александровну направить воспитание наследника в русло западного просвещения [7].

В 1856 г. были разделены учебная и воспитательная часть. Последняя осталась в руках Зиновьева, а наставником цесаревича стал Владимир Павлович Титов, посланник при Виртембергском дворе. Напомню, что Виртембергской королевой к тому моменту была Ольга Николаевна, много размышлявшая о том, как воспитывался ее брат. Горчаков по просьбе императрицы составил программу воспитания наследника. По этой инструкции наставник должен стремиться развить в цесаревиче разум, главный воспитатель – характер и волю, духовник – совесть и чувство долга. При этом наследник должен сочетать русское

сердце и европейский ум. Образование должно продолжаться до достижения великим князем 21 года:

I. до 16 лет – курс гимназический;

II. до 19 лет – курс университетский, включая слушание лекций в университете и ряд путешествий по России и другим странам;

III. до 21 года – курс практический, предлагавший управление административной отраслью, например, областью империи в звании генерал-губернатора, но без исполнительной ответственности.

В письме к Титову изложил свои мысли о воспитании и М. Погодин. Его программа во многом отличалась от взглядов министра иностранных дел. Если Горчаков предлагал дать цесаревичу универсальное образование на началах западного гуманизма, то Погодин настаивал на воспитании в строго национальном духе. Дипломат обошел молчанием военную сторону воспитания; историк направил против нее самые язвительные стрелы. Погодин предлагал устроить с народом «живое сообщение», чтобы дети царя почувствовали жизнь простого люда, «горевали, веселились, чувствовали по временам одинокий голод и жажду, молились вместе» [2].

В. Титов представил собственную программу обучения, включавшую: укрепление памяти детей, для чего заставлять их учить наизусть («зубрить да зубрить»); разделение преподавания всеобщей истории между учителями по их национальностям при преподавании на иностранных языках; введение преподавания законоведения, для чего был приглашен Кавелин.

Грот как опытный педагог резко возражал Титову. Во-первых, он считал, что механическое запоминание не может дать положительных результатов. Во-вторых, чтение всеобщей истории должно быть предоставлено одному лицу, так как в противном случае нарушалось единство системы. В-третьих, выступал он и против законоведения, полагая, что сначала нужно укрепить фактические знания в истории, а затем вводить науки с философским характером. Грот был против намерения Титова сосредоточиться на обучении наследника, а остальным детям дать образование по более ограниченной программе, ссылаясь на пример Николая I.

Вскоре новый наставник увидел, что главным препятствием в обучении наследника выступает не Грот, которого он невзлюбил за критику, а гувернер Зиновьев. Титов попытался обратить на это внимание императора Александра II, но тот проигнорировал доклад воспитателя [11].

В 1858 г. новым наставником был назначен Август Фридрих Гримм. Гримм далеко не лестно отзывался о России и первым делом сократил количество часов на изучение русского языка и литературы.

Преобладающими в новой схеме расписания уроков явились физико-математические науки, а также музыка и гимнастика. У Гримма система воспитания попросту отсутствовала; это была переориентация обучения.

Гриммовские методы обучения просто пугали. Герцен в своей статье, напечатанной в «Колоколе», обвинил императрицу Марию Александровну, занимавшуюся назначением воспитателей, в противодействии прогрессу России. По его мнению, цесаревич изучал подробности мундиров каждого полка, секреты командования армией, но он ничего не знал о политическом и экономическом состоянии России. Тютчева, бывшая фрейлиной государыни, в своем дневнике признавала, что Герцен прав [7].

В результате 8 сентября 1859 г. попечителем цесаревича стал граф Строганов. Убежденный монархист, он целью правительственной деятельности полагал величие государства, основанное на благосостоянии народа, а средством к ее успешному достижению считал согласование порядка со строгой законностью и разумной свободой. Наставник заявил, что цесаревичу не надо навязывать традиционные ценности, а необходимо постепенно их раскрыть, наглядно убедить. Поэтому Строганов пользовался особым приемом обучения. Сначала приглашал одного профессора прочитать лекцию о пользе конституции; затем другого, утверждавшего обратное. Сравнивая, сопоставляя, цесаревич сам должен был разобраться.

С 1861 г. Строганов ввел в преподавание Николаю университетские курсы, для преподавания которых были приглашены лучшие профессора: Ф. Буслаев; С. Соловьев; Б. Чичерин; К. Победоносцев; И. Бабст; В. Кудрявцев; А. Чивилев и Н. Бунге; М. Стасюлевич. При одном взгляде на эти фамилии можно понять, что наставник стремился восполнить неоднородность преподавания курса средней школы систематическим и последовательным изложением курса высшей школы. При этом в обучении цесаревича Николая Строганов придерживался «политики» знаний, лишенной сентиментальной чувствительности, в отличие от наставника Александра II В.А. Жуковского [3].

Таким образом, воспитание старшего сына императора Александра II отличалось от его собственного тем, что не было выработано цельной концепции. По существу, Николаю преподносились несхожие воззрения различных наставников, а также преобладали представления о значимости военного образования, от чего страдали талантливые гражданские педагоги. Александр II не смог превзойти своего отца Николая I, потому что не участвовал активно в процессе образования сына.

Именно в годы правления Николая I наследник, красивый, обожаемый, стал излюбленным символом династии, доказательством ее прочности и жизнеспособности. Вместе со своей матерью Александр был символом и порукой династии, человеческим украшением сверхчеловеческой силы власти Николая. Вступив на трон, Александр II продолжил представлять свою семью как воплощение монархии, а наследника как надежду династии, который закончит начатые преобразования. Царь часто напоминал Николаю Александровичу о предсмертном наставлении Николая I – служить России.

В публичной роли у наследника трудностей не было. Александр Николаевич без труда добился успеха при дворе и на плац-параде. После смерти в июне 1831 г. великого князя Константина Павловича Александр унаследовал титул «цесаревича», по закону Павла о престолонаследии официальный титул преемника на престоле. Николай издал указ, объявляющий, что его первенец отныне будет именоваться «Государь Наследник, Цесаревич и Великий Князь». Указ был опубликован в печати, а ряд картин демонстрировал новый титул Александра [12].

Семья Николая теперь обладала всеми титулами и символическими отличиями старшей линии, что давало поводы для издания новых картинок, изображающих Александра верным сыном. Так, лубок 1831 г. показывает его в типичной позе всадника; на нем кирасирский мундир, он выглядит лихо и геройски. А на акварели Александра Брюллова наследник стоит в центре группы кадетов в парадной форме в 1831 г. в Петергофе [13].

Хотя отношения самого Александра Николаевича со своим старшим сыном были дистанционными, он продолжал предъясвлять великого князя Николая как надежду династии. Лубки, изданные в первые годы царствования Александра II, воспроизводят те же лейтмотивы, что и при Николае I. Наследник, на одной из гравюр, присоединяется к отцу с другими великими князьями. После коронации был выпущен, также, лубок с изображением цесаревича Николая вместе с императором и императрицей, стоящих при полных регалиях [6].

Таким образом, фигура наследника несла на себе огромную идеологическую нагрузку. Он был лучшим представителем династии, призванной творить будущее огромной страны.

Для Николая Павловича наследник был, прежде всего, военным, чей статус определялся его военным чином. С 1827 г. начинается карьерный рост цесаревича. Этот процесс обозначился наименованием Александра почетным «Атаманом всех казаков» и шефом Донского полка. Жуковский видел опасность таких назначений. Еще в 1826 г. в письме императрице Александре Федоровне он писал, что страсть к

военному ремеслу стеснит душу наследника: «он привыкнет видеть в народе только полк, в Отечестве – казарму». По его мнению, власть должна быть одобрена народом, а не завоевана штыками, ибо в блеске оружия таится опасность стихийного бунта.

Однако сам Александр писал в дневнике о своем восхищении продвижениями в чинах и титулах и сопровождавшими их новыми мундирами и церемониями; они были знаками его приобщения к миру отца. Наследник любил Марсово поле, с удовольствием красовался на парадах, вызывая восторг окружающих и неумолчные крики «ура». Так, 21 сентября 1830 г., в возрасте двенадцати лет, он принял участие в праздновании столетия Измайловского полка. Он скакал с Николаем и гвардейцами на смотре и на банкете в манеже.

Но император Николай I считал, что старший сын не прикладывает усилий в изучении военной науки. Он говорит Мердеру о четырнадцатилетнем мальчике: «...Я хочу, чтоб он знал, что я буду непреклонен, если замечу в нем нерадивость по этим предметам; он должен быть военный в душе, без чего он будет потерян в нашем веке...». Поэтому Николай Павлович пытался воспитать в сыне и офицера, способного выдержать суровые военные условия, для чего наследник часто назначался на лагерное дежурство в Красном селе. Однажды, вспоминая впоследствии император Александр II, во время ночного дежурства у Царского валика на мосту был проливной дождь; «недолго думая, я преспокойно залез под мостик и расположился спать. Отец же вздумал проверить, точно ли я исполняю службу, как и другие, приехал ночью для проверки и, не найдя меня на месте, наказал еще дежурством на гауптвахте» [6].

Самым волнующим моментом было назначение цесаревича флигель – адъютантом императора перед началом церемонии празднования его совершеннолетия. Он проснулся утром 17 апреля 1834 г. и увидел, что на эполетах его атаманского мундира, приготовленного для церемонии, красуются шифры его отца и шнурок, аксельбант – украшения членов императорской свиты. Когда он появился перед Николаем, отец сказал ему, что «...он хочет сим означить, что я должен готовиться быть его помощником». В течение всего царствования отца Александр рассматривал свою принадлежность к свите как знак чести и отличия [3].

Любовь Александра к плац-параду стала всепоглощающей. Это просто результат логики сценария: Александр теперь послушный сын, помощник отца, а не соперник за корону, как это было в XVIII в. Еще раз повторю, что роль Жуковского – отвлекать бдительность общества и воспитывать достойную смену императору с помощью отца, а не вопреки его воле [5].

Естественно, что пристрастие к военному искусству повлияло и на воспитание первенца Александра – Николая. По общему согласованному убеждению императора Николая I и цесаревича, чтобы воспитателем великого князя был негражданский человек, к нему пригласили генерал-майора Н.В. Зиновьева. На протяжении всего воспитательного процесса Николая Александровича ведущая роль находилась в руках так называемой «военной партии», которая оберегала свое привилегированное положение при наследнике. Когда великому князю Николаю исполнилось семь лет, он был произведен в первый офицерский чин и переселен в отдельные покои.

Но после смерти Николая I Александр, занятый навалившимися государственными делами, не мог следить за воспитанием сына в той мере, в которой следил за ним его собственный отец. Императрица Мария Александровна под давлением общественного мнения была вынуждена уступить, и пригласить для образования наследника гражданских людей, видных политиков и ученых, резко противившихся военной муштре цесаревича. Хотя военные упражнения трех старших великих князей в присутствии государя продолжались, но они уже не носили характер безупречной выслуги ради похвалы отца. Думаю, самого Александра II это отчасти раздражало, ибо военное искусство было его страстью. Например, в минуты гнева на цесаревича император просит передать сыну: «Передай его высочеству, что я прошу беречь моих солдат». Александр II был достойным учеником Николая I, проявляя нетерпимость к плохой военной подготовке наследника [4].

Таким образом, первенец императора в сценарии власти сначала Николая I, а затем и в первые годы царствования Александра II, исполнял две идеологические роли. С одной стороны, он выступал надеждой династии, который своими деяниями прославит ее в будущем, а с другой – исполнительным военным, четко выполняющим отцовские наставления.

Закон Павла о престолонаследии установил совершеннолетие цесаревича в возрасте шестнадцати лет, чтобы обеспечить наследование в случае смерти правящего императора. Александр был первым наследником, по закону достигшим этого возраста. Чтобы отметить 16-летие первенца, Николай I ввел новую церемонию – принесение присяги совершеннолетия. Присяга была призвана поддержать самодержавие освященными Богом сыновьями обязанностями. Московский митрополит Филарет подготовил церемонию, в которой перед всей элитой Российского государства сын брал на себя обязательство повиноваться отцу, самодержцу и исполнять законы России. Текст присяги написал М.М. Сперанский, который целью церемонии считал религиозную санкцию обязанностей наследника [7].

Церемония состоялась 22 апреля 1834 г., на Пасху, что придало событию сакральный характер. Присяга была важным ритуалом перехода мальчика от детства к роли помощника отца, соединения, пусть символического, с отцом в отпращивании функций самодержавной власти. Присяга великого князя имела двойной характер: сначала в качестве наследника (в церкви Зимнего дворца), затем в звании военнослужащего (в Георгиевском зале) [4].

В первой части, Николай ввел сына на кафедру, где лежал животворящий крест и Евангелие. «Это была трогательная церемония, - вспоминала Ольга Николаевна, - Саша, сопровождаемый Отцом, встал перед алтарем и развернутым знаменем и звонким голосом прочел текст присяги». Подняв правую руку, Александр поклялся служить и повиноваться своему отцу «во всем». Он обещал не жалеть жизни и отдать за Россию все до последней капли крови. Он поклялся соблюдать все правила престола и законы императорского дома. Наконец, он обратился к Богу, моля «научить его в великом служении», полномочия которого ему передаются. Затем цесаревич подписал присягу, и министр иностранных дел, граф Нессельроде, взял документ для хранения в государственном архиве. Отчет, опубликованный в «Северной пчеле» и «Русском инвалиде», следуя нормам сентиментального описания, обращался к общему чувству нежности, умиления. Ключевым драматическим эпизодом были объятия родителей и сына. Прежде Николай трижды поцеловал сына. Александр хотел обнять мать, но царь опередил его. Затем император прижал к себе обоих [10].

Во второй части церемонии наследник принес офицерскую присягу. В Георгиевском зале, где собрались чины от кадетов до генералов, Александр поклялся верно служить императору, повиноваться всем воинским уставам, верно и мужественно бороться с врагами императора и государства.

Таким образом, церемония совершеннолетия стала формальным представлением Александра в качестве династического символа, выражающего единство правительственной и социальной элиты с династией. Церемония продемонстрировала и солидарность поколений, и политическое единство. Отец и сын, династия и народ соединились в личности наследника.

Церемония совершеннолетия цесаревича Николая Александровича состоялась 8 сентября 1859 г. В этот день старший сын Александра II в Большой церкви Зимнего дворца принес установленную для наследника присягу, а в Георгиевском зале был приведен к общей воинской присяге.

Церемония была аналогична совершенной в 1834 г.; она подчеркивала сплоченность отца и сына, а также императорской фамилии с подданными. Характерно, что на принесении присяги

присутствовали только военные воспитатели. Снова эмоциональная кульминация произошла, когда сын и родители обнялись. Сначала Николай Александрович бросился в объятия отца, затем подошел к матери и поцеловал ее руку. В этот же день цесаревич был возведен в чин флигель-адъютанта в свите отца. На следующий день состоялся прием для дипломатического корпуса, где наследник поразил послов знаниями о внешней политике страны. В отличие от присяги Александра после церемонии совершеннолетия его старшего сына был устроен праздник для простого народа на Девичьем поле в Петербурге. Здесь еще раз подчеркивается единство царя и народа, идея их взаимной любви и заботы друг о друге [5].

К тому же эта церемония призвана была напомнить о могуществе России, подорванном Крымской войной. Рождение цесаревича совпадало с датой Куликовской битвы. Теперь это сражение представлялось не как символ военной мощи, а как знак освобождения, когда Россия готовится встать на путь развития гражданского общества. Теперь борьба должна вестись против незнания, нетерпимости и фанатизма. Наследник, родившийся в этот день, призван доказать любовь между царем и народом, заботясь о его благе.

Таким образом, наследник становится символом будущего, на которого обращены и взоры его родителей, и чаяния всего народа. Цесаревич теперь выступает поддержкой и опорой, правой рукой императора. Оставалось только расширить границы проявления царской любви к Отечеству и его подданным.

Библиографический список

1. Божерянов И. И. Детство, воспитание и лета юности русских императоров. – Пг., б/г. – 129 с.
2. Боханов А.Н. Император Александр III. – М., 1998. – 512 с.
3. Гершензон М. Николай I и его эпоха. – М., 2001. – 230 с.
4. Глинский Б. «Наставник царских детей» // Исторический вестник. 1896. №1. С. 230-266.
5. Долбилов М. Д. Легко ли понять августейшее слово? / [Рец. на кн.:] Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. / Сост. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюнник. – М., 1999 // Commentarii de historia // <http://www.main.vsu.ru/-cdh/> [Электронный журнал. 2000. №1.]
6. Захарова Л. Г. Александр II // Российские самодержцы. – М., 1994. – С. 159-215.
7. Лямина Е. Э., Самовер Н. В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. – М., 1999. – 560 с.
8. Савин А. Н. Николай I и цесаревич Александр Николаевич // Труды Института истории РАН ИОН. 1925. Вып.1. С. 119-158.
9. Татищев С. С. Александр II, его жизнь и царствование. – СПб., 1903. – Т.1 – 538 с.

10. Татищев С. С. Детство и юность великого князя Александра Александровича//Великий князь Александр Александрович. – М.,2002. – С. 29-442.
11. Уортман Р. Поездки Александра II по России // П. А. Зайончковский: Статьи, воспоминания и публикации о нем. М.,1998. С. 219-235.
12. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. – М.,2002. – Т.1: от Петра Великого до смерти Николая I. – 608 с.
13. Richard S. Wortman. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Volume 2: From Alexander II to the abdication of Nicholas II. Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 2000. 554 p.

Российские исторические истоки порно-дискурса современной культуры

Автор анализирует проблемы генезиса порно как элемента современной массовой культуры. Анализируются тексты русских писателей первой четверти XX века. Эротические и порнографические мотивы не доминировали в их текстах. Они играли роль второстепенного фона и контекста. Эти тексты влияли на размывание традиционного общества, содействовали актуализации гендерных проблем в литературе.

Ключевые слова: русская литература, проза, эротическое, порнографическое, традиционализм

The author analyzes the genesis of porn as an element of modern mass culture. The texts Russian writers of the first quarter of the twentieth century are analyzed. The erotic and pornographic motives did not dominate in their texts. They played the secondary role of a background and general context. These texts influenced on the erosion of traditional society and also assisted to promotion of gender issues in the literature.

Keywords: Russian literature, prose, erotic, pornographic, traditionalism

Вопросы генезиса «культуры для взрослых» относятся к числу дискуссионных как в российских, так и в зарубежных гуманитарных исследованиях. Актуальным представляется поиск истоков подобных тенденций в русской литературе, в частности – в текстах русских писателей первой четверти XX века.

Русский писатель М. Арцыбашев (1878 – 1927), роман которого «Санин» [1, 2], ставший этапным явлением в становлении массовой культуры в России (попавший в сферу внимания западных исследователей [3, 4], но пока не получивший должного изучения в современной российской гуманитаристике, за исключением ряда отзывов и откликов [5] на те же западные исследования) воспринимался как писатель в определенной степени маргинальный, а его роман на момент появления как порнографический. Роман, как и его автор, были восприняты современниками крайне неоднозначно. На протяжении длительного времени доминировала тенденция к отторжению, непризнания текста М. Арцыбашева как части литературы, хотя А.И. Куприн отозвался о романе если не позитивно, то нейтрально, указав на то, что написано «в общем интересно, оригинально и очень талантливо» [6]. Подобная точка зрения была озвучена Ю. Айхенвальдом, который комментируя роман «Санин» подчеркивал, что «Арцыбашев предлагает нам плоды своего литературного дерева. Названному беллетристу вообще обеспечена читательская аудитория потому, что порнографию все бранят, но многие интересуются ею. Правда, ее ждут не от искусства, но творец “Санина” к искусству мало и принадлежит» [7].

Маргинализация «Санина» современниками, которые только начинали дискутировать относительно гендерных проблем [8], крайне болезненно и охранительно при этом реагируя на любые проявления порнографии [9], была совершенно естественной, что было связано с засильем традиционных ценностей, почти полным отсутствием гражданского самосознания, крайне незначительным политическим опытом российского общества. С другой стороны, маргинализация «Санина» свидетельствует и о крайне низком адаптивном потенциале российской литературы начала XX века, которая в лице представителей наиболее консервативного и реакционного течения была склонна отторгать попытки пересмотра границ сложившегося литературного ландшафта. Подобный консерватизм привел к негативным последствиям: борьба с порнографом М. Арцыбашевым и нарождающимися модернистскими тенденциями привела к еще большей консервации литературы, снижению ее адаптивного потенциала, что дало знать о себе в 1920 – 1930-е годы, когда уже советская литература, насильственно лишенная так и не сформировавшегося российского модернизма, была подвергнута принудительной советизации. М. Арцыбашева можно рассматривать как одного из предшественников литературы для взрослых.

Неприятие романа стало результатом неготовности общества к подобным сюжетам. Общество Российской Империи в начале XX века продолжало оставаться традиционным, а среди центральных координат, которые доминировали в его социальных и политических трансформациях были антисемитизм, клерикализм и жесткое подавление каких бы то ни было политических альтернатив – от национального до социального вопросов. Российское общество того времени не было готово к столь откровенному разговору на те проблемы, которые в своем романе пытался актуализировать М. Арцыбашев. Готовность обсуждать подобные проблемы в Россию и в другие европейские страны пришла позднее, что было связано с двумя мировыми войнами, целым рядом европейских революций, в том числе – и сексуальной, которые содействовали не только значительной политизации и либерализации общества, но и сделали его готовым говорить на темы, связанные с сексуальностью, что привело к появлению целого пласта текстов [10] в европейских литературах, которые в той или иной степени актуализировали проблемы гендера, а степень и глубина подобной актуализации варьировались от доминирования эротического до преобладания порнографического элемента.

Наибольший шок у консервативно настроенных современников, которые придерживались реакционной концепции о том, что «на

искусство имеет право только душа» [11], вызывало то, как М. Арцыбашев описывал отношения между мужчиной и женщиной, озвучивая и одновременно оспаривая современные ему стереотипы. В частности герои романа, которые проповедуют либерализацию отношений в обществе («человеку от природы не свойственно воздержание, и самые искренние люди, это люди, не скрывающие своих вожделений» [12]), могут беседовать о том, является ли артистка «публичной женщиной» или нет; о возможности женщины носить костюмы «вызывающие, обнажающие тело, делающие его еще грешнее, заманчивее». М. Арцыбашев был среди первых в русской литературе начала XX века, кто открыто высказал предположение о том, что женщина сама склонна к сексу, что ей «приятно, чтобы любовались ее телом». Героини романа, «веселые и покрасневшиеся» и «возбужденные до крайнего напряжения обществом мужчин», не вписываются в ту систему координат, в рамках которой создавались героини более ранней русской литературы, в герои думали о том, что «молодое, стройное и чистое тело сладострастно и полно будет принадлежать ему» [13]. За столь активное увлечение телесной тематикой современники обвиняли М. Арцыбашева в том, что «Арцыбашев ограничивается телом тела. И, в связи с этим, он рисует его грубо, цинично» [14].

Роман М. Арцыбашева «Санин» стал первой значительной попыткой актуализировать сексуальный контент в русской литературе начала XX века, хотя его современники предприняли аналогичные, но при этом весьма робкие и умеренные попытки. В частности, аналогичные мотивы, связанные с либерализацией сексуальной сферой и попытки ее интеграции в канон серьезной, а не бульварной литературы мы можем найти в некоторых текстах Михаила Кузмина (например, в повести «Крылья» [15]), но и тот ограничивался общими, едва ли не просветительскими нотациями, рассказывая своим читателям, социализация которых прошла в рамках доминирования традиционной культуры со значительной религиозной компонентой, о том, что «мужчины женщин любят, женщины – мужчин, бывает, что и женщина женщину любит, а мужчина – мужчину... да я и сама об этом в житиях читала» [16]. Примечателен не само содержание столь короткой цитаты из повести «Крылья» Михаила Кузмина, а тот контекст, в котором эти слова транслируются его героиней, ссылающейся на религиозные тексты как универсальный способ легитимации опыта, в том числе – и сексуального. В целом, в русской литературе начала XX века сексуальный контент носил латентный характер, принадлежал к числу не совсем желательных, но преимущественно маргинальных тем и роман

«Санин» стал первой значительной попыткой актуализации этого сексуального пласта в литературе.

Отношения между героями «Санина» не вписывались в классическую для начала XX столетия схему: они были более открыты и, как следствие, биологичны. Героиня романа Лида не чужда того, чтобы «гибким, нежным и стройным телом» тянуться к мужчине. В подобной ситуации герои-мужчины романа постепенно приходят к антисоциальному и вызывающему для начала XX века выводу о том, что общество, подавляя биологизм женщины, сковывая ее формальными ограничениями, совершает «преступление против природы». Большинство современников отнеслись к роману «Санин» крайне негативно, будучи склонными видеть в нем порнографическое произведение и лишь меньшая их часть обращала внимание на социальный тренд в текстах М. Арцыбашева. Среди них был А.И. Куприн и один из редакторов журнала «Мир Божий» А.И. Богданович. Первый отозвался о романе как об интересном произведении, второй четко определил причины будущего общественного отторжения и неприятия: «печатать роман невозможно. Натурализм некоторых сцен граничит с порнографией, а главное – роман упаднический и не соответствует данному политическому моменту, когда передовое общество настроено революционно» [17].

С другой стороны, большинство современников в романе уловили преимущественно порнографический элемент, предпочтя проигнорировать социальное содержание текста. Большинство критиков нервировало то, что герои романа «Санин» как бы нечаянно, смотрят на «высокую грудь, едва прикрытую тонкой малороссийской рубашкой, и круглые покатые плечи» [18] – некое сочетание протестующего и вырывающегося биологизма, нарождающейся солидарности и стихийности национальной незавершенности, недосказанности. Оценки романа «Санин» как порнографического носили слишком радикальный и категоричный характер. Подобный радикализм критиков и отторжение текста, вероятно, было вызвано чрезвычайно размытыми общественными представлениями о том, что именно следует понимать под «порнографией», на что позднее, в 1932 году, указывал Владислав Ходасевич, который подчеркивал, что «неясные представления о том, что такое порнография» и общая шаткость самого этого определения [19] в большей степени усложняют и излишне политизируют как саму дискуссию о пределах дозволенного, так и процесс отражения гендерной проблематики в художественной литературе. При этом ни В. Ходасевич, ни более ранние критики «Санина» не могли и представить, что спустя несколько десятилетий отношение к порнографии изменится самым радикальным образом и она станет стержнем, вокруг которого будут

вращаться «современные отношения к тенденциям сексуальной культуры» [20]. Тем не менее, комментируя роман К. Чуковский в 1907 году, озвучивая мнение консервативной части российского общества, писал: «у героинь этого романа очень пышные груди, у героев очень сильные мускулы, и вообще весь роман ужасно как старается, чтобы мы сочли его поэмой телесности, солнца, половой радости, звериного счастья, греха... и, сколько бы потом он ни описывал женских грудей, дрожащих мужчин, сколько бы потом он ни говорил “звериных”, пугающих слов, все это никого ни увлечь, ни испугать не может» [21]. Другой герой романа тоже «не сводил глаз с высокой груди и красивой белеющей от луны шеи сидящей против него Карсавиной» [22].

Кроме этого то, что одному из героев романа по ночам снились «молодые и красивые женщины» свидетельствует не только о дурном вкусе М. Арцыбашева, в чем его обвиняли современники, но, по меньшей мере, о нормальной гетеросексуальной ориентации героев романа. В этом отношении, анализируя текст романа «Санин» читается не столь страшно как тексты некоторых современных авторов литературы для взрослых, в которых страницы, отражающие «переживания» героев, быстро сменяются описаниями гомосексуальной [23, 24, 25] связи или вовсе проявления зоофилии. Пробуждение биологизма, инстинктов у героев М. Арцыбашева стало формой бунта и протеста против общества, желавшего «весь мир обратить в монастырскую казарму, с одним уставом для всех, уставом, ясно основанном на уничтожении всякой личности и подчинении ее могучей власти какого-то таинственного старчества» [26]. В подобной ситуации почти всеобщей переоценки ценностей и духовного кризиса один из героев романа восклицает: «что мне Бебель, Толстой и миллионы других кривляющихся ослов!».

За подобный радикализм реакционно настроенная критика называла М. Арцыбашева «проповедником и моралистом своей аморальности, идеологом своих маленьких идей» [27], будучи не в состоянии не остановить разрушения традиционализма, не простить М. Арцыбашеву того, что он сделал для демонтажа традиционных ценностей. М. Арцыбашев не ограничивался в своем тексте выражением протеста только против устоявшихся культурных норм: он покусился и на то, что для начала XX столетия казалось почти незыблемым и не поддающимся пересмотру. Речь идет об отношениях между полами. В романе «Санин», который в начале XX века казался едва ли не аморальным и порнографическим, нет того, что мы находим в современной литературе для взрослых – описаний сцен половых актов. М. Арцыбашев создал образы героев до и после, но не во время биологического акта между мужчиной и женщиной. Не исключено, что

общественное отторжение вызывало и то, что героини книги после случившегося и состоявшегося акта позволяли себе об этом думать – думать в мире социальных отношений, создаваемых мужчинами о том, что «она уже не прежняя, гордая и чистая» [28].

В определенной степени революционно для России начала XX века звучала мысль М. Арцыбашева, которую он озвучил устами своей героини Лиды о том, что «я такой же свободный человек». В контексте романа концепт «такой же» имеет принципиальное значение, утверждая равноправие не социальное, но гендерное, что для дореволюционной России – страны с отсутствием избирательного права для женщин и наличия ограничений в развитии женского образования – звучит в определенной степени революционно. В этом протесте сокрыта не только социальная, но и сексуальная революционность. Вероятно, роман «Санин» стал одной из отдаленных предпосылок в генезисе того социального и культурного явления, которое во второй половине XX столетия будет определено как сексуальная революция. В этом отношении роман с чисто мужским названием предстает как одно из первых протофеминистских произведений в русской литературе. Роман наполнен идеями социального и гендерного расизма.

Героиня «Санина» Лида, оказавшись в объятьях офицера Зарудина, думает в рамках почти дарвинистской парадигмы: «она знала, что Зарудин бесконечно ниже ее по уму и развитию, что она никогда не может быть подчинена ему, но в то же время было приятно и жутко позволять эти прикосновения сильному, большому, красивому мужчине, как будто заглядывая в бездонную, таинственную пропасть с дерзкой мыслью: а вдруг возьму и брошусь... захочу и брошусь» [29]. С другой стороны, мысли героев романа построены на идее доминирования над женщиной, которое переплетается с насилием: «острая жестокая мысль стала смутно представлять ему вычурно унижающие сладострастные сцены, в которых голое тело, распущенные волосы и умные глаза Лиды сплетались в какую-то дикую вакханалию сладострастной жестокости. Он вдруг ясно увидел ее на полу, услышал свист хлыста, увидел розовую полосу на голом нежном покорном теле» [30]. В этом акте воображаемого насилия с привнесением в него некоторого биологизма заметно стремление утвердить доминирование маскулинности в обществе, которое и без того создавалось и контролировалось мужчинами, оставаясь в значительной степени традиционным и было почти не затронуто веяниями модернизации.

Роман М. Арцыбашева «Санин», появившийся в начале XX века, был воспринят современниками как аморальный и с того времени за текстом прочно закрепился шлейф принадлежности к порнографической литературе. Для современного читателя и потребителя литературы для

взрослых «Санин», где присутствует описание тела, но нет откровенных сцен совокуплений, может показаться романом сложным, серьезным и почти классическим. С другой стороны, текст романа в определенной степени является антисоциальным, антиобщественным для начала XX столетия. В своем тексте, который для современного читателя в большей степени соотносится с литературной традицией, а не развлечением, М. Арцыбашев поставил под сомнение традиционные для своего времени социальные и гендерные отношения. Поэтому, роман может анализироваться как произведение глубоко социальное и протестное, которое в определенной степени предвосхитило проявления сексуальной революции во второй половине XX века. «Санин» стал попыткой демонтажа традиционности, основанной на доминировании пантеона из литературных классиков и значительной роли казенного православия, которое способствовало изоляции и провинциализации русской культуры. В романе проявилось стремление к либерализации, как отношений, так и самой женщине, за которой М. Арцыбашев признал право выбора – право быть не только объектом потребления и пользования / использования со стороны мужчин, но и самой быть инициатором установления / разрыва самого широкого спектра связей от социальных до сексуальных. Анализируя роль «Санина» в развитии русской версии литературы для взрослых, Автор вынужден констатировать, что она была, вероятно, минимальной. В начале XX века текст романа воспринимался как порнографический и бульварный. В советское время М. Арцыбашев был подвергнут сознательной маргинализации в большей степени не за свои литературные произведения, а за политические, откровенно антибольшевистские, предпочтения. Роман вернулся в начале 1990-х годов, но тогда было уже поздно: русская литература для взрослых оказалось русской только географически, будучи представленной многочисленными переводами с английского и некоторыми текстами отечественных авторов, которые в своем большинстве серийны и однообразны. В подобной ситуации М. Арцыбашев и его роман «Санин», как продукты традиционной и в значительной степени архаичной культуры, как тексты почти «классические», оказались малоинтегрируемыми в современную культуру, основанную на доминировании культуры потребления.

Гендер, проблемы пола, сексуализация гендера стали важными проблемами для европейской культуры XX столетия. Болгарский культуролог Найденов Шейтанов [31] полагает, что феномен сексократии или сексократизма [32] стали универсальными координатами и доминантами в развитии культуры. В начале XX века гендерные сюжеты в русской литературе были подвергнуты определенной, но весьма незначительной, поверхностной либерализации и хотя роман «Санин» в

глазах консервативных современников казался порнографическим, тем не менее, актуализация не просто гендера как политического и социального пола, но секса как формы некой универсальной добровольной или принудительной коммуникации полов, состоялась позднее – в 1920 – 1930-е годы, чему, в частности, способствовали представители русской эмиграции, например – Георгий Иванов.

В поэме Георгия Иванова «Распад атома» [33] гендерное и сексуальное неизбежное содержание современного городского пространство представлено в рамках имагинативной парадигмы, то есть Г. Иванов предпочел описать не реальные, а вообразимые переживания своего героя, который активно воображает и тем самым конструирует различные дискурсы и образы феминности, хотя эта проблема, а также образ принуждения женщины, ее своеобразного жертвоприношения привлекали и других европейских, например – болгарских [34], авторов. Примечательно, что в таком воображении женщина в поэме «Распад атома», а, по определению Г. Иванова «женской точки зрения не существует, женщина сама по себе вообще не существует. Она тело и отраженный свет», не просто трансформируется в объект желания, но в мертвый предмет («пыльно, тепло. Эта женщина, конечно, красива, но мне не нравится. Она в нарядном платье и идет улыбаясь, но я представляю ее голой, лежащей на полу с черепом, раскрытым топором») пространства, интегрированный в ландшафт.

В этом контексте женские образы в прозе Г. Иванова в значительной степени биологизированы, а образ невесты и вовсе уподобен образу мертвой крысы, которая покоится с миром в мусорном ведре рядом с «ваткой, которой последний раз подмывалась невеста», хотя «третьего дня крыса была жива, девственная плева была нетронутой». Георгий Иванов фиксировал изменение отношения к женщине в западном обществе, которое все в большей степени становилось обществом потребления и обществом потребителей, дорожащих своим комфортом и спокойствием, обществом, которое предпочитает следить за собой, хотя последствия подобного биологического и гигиенического контроля над собой не более чем серийны, массовы, обыденны и поэтому отталкивающи. С другой стороны, феминность воображается как неизбежная часть фактически мужской всемирной истории («Я думаю о Франции вообще. О девятнадцатом веке, который задержался здесь. О фиалочках на Мадлен, булках, мокнущих в писсуарах, подростках, идущих на первое причастие, каштанах, распространении триппера, серебряном холодке аве Мария. О дне перемирия в 1918 году. Париж бесился. Женщины спали с кем попало») в сочетании с отвлеченным размышлениями почти о социальной гигиене («я иду по улице, думаю о Боге, всматриваюсь в

женские лица. Вот эта хорошенькая, мне нравится. Я представляю себе, как она подмывается. Расставив ноги, немного подогнув колени. Чулки сползают с колен, глаза где-то в самой глубине бархатно темнеют, выражение невинное, птичье. Я думаю о том, что средняя француженка, как правило, аккуратно подмывается, но редко моет ноги, К чему? Ведь всегда в чулках, очень часто не снимая туфель») с экскурсами в теории если не о неполноценности, то крайних формах развличия между отдельными европейскими нациями.

Ни одно из произведений из литературного наследия Г. Иванова нельзя определить как порнографическое, но сексуальность присутствует в некоторых его текстах, но не как центральная тема, а как контекст, часть социального пространства западного города. Подобное низведение сексуальной темы до фона, контекста, части пространства указывает на то, что русская литература в эмиграции в значительной степени подвергла ревизии те стереотипы и мифы о нравственности, которые были характерны для русской литературы начала XX века, которая столь настойчиво отторгала и не принимала «Санина», видя в нем исключительно порнографию. В этом отношении Георгий Иванов как никакой другой писатель русской эмиграции (вероятно, за исключением Владимира Набокова) приблизился в канону тогда только нарождавшейся массовой культуры с ее условно художественной литературой, предназначенной в первую очередь не просто для потребления, но для одноразового потребления серийным потребителем.

Библиографический список

1. Далинин Я. «Санин» в свете русской критики / Я. Далинин. – М., 1908.
2. Прокопов Т. Жизни и смерти Михаила Арцыбашева / Т. Прокопов // Арцыбашев М. Собр. соч.: в 3 тт. / М. Арцыбашев. – М., 1994. – Т. 1. – С. 5 – 31.
3. Лебедева В.Г. Судьбы массовой культуры России / В.Г. Лебедева // Лебедева В.Г. Судьбы массовой культуры России. Вторая половина XIX – первая треть XX века / В.Г. Лебедева. – СПб., 2007. – С. 317 – 324.
4. Boele O. Erotic nihilism in late Imperial Russia: the case of Mikhail Artsybashev's "Sanin" / O. Boyle. – Madison, 2009.
5. Бурлешин А.В. Книга о том, как Санин овладел массами и почему осталась масса недовольных / А.В. Бурлешин // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 6 (112). – (<http://www.nlobooks.ru/node/1561>)
6. Куприна-Иорданская М.К. Годы молодости / М.К. Куприна-Иорданская. – М., 1966. – С. 80.
7. Айхенвальд Ю. Литературные эскизы / Ю. Айхенвальд // Балтийский Альманах. – 1924. – № 2. – С. 63 – 65.
8. Энгельштейн Л. Ключи счастья: секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX – XX вв. / Л. Энгельштейн. – М., 1996.
9. Новополин Г.С. Порнографический элемент в русской литературе / Г.С. Новополин. – СПб., 1909.
10. Йорданова К. Тялото или ужасът от идентификацията в романа на Емилия Дворянова «Госпожа Г.» / К. Йорданова // Литературен вестник. – 2001. – 14 – 20 ноември. – (<http://www.slovo.bg/old/litvestnik/138/lv0138011.htm>)
11. Айхенвальд Ю. Литературные эскизы / Ю. Айхенвальд // Балтийский Альманах. – 1924. – № 2. – С. 63 – 65.
12. Арцыбашев М.П. Санин / М.П. Арцыбашев. – (http://az.lib.ru/a/arcybashew_m_p/text_0010.shtml)
13. Арцыбашев М.П. Санин / М.П. Арцыбашев. – (http://az.lib.ru/a/arcybashew_m_p/text_0010.shtml)
14. Айхенвальд Ю. Литературные эскизы / Ю. Айхенвальд // Балтийский Альманах. – 1924. – № 2. – С. 63 – 65.
15. Малмстад Дж. Бани, проституты и секс-клуб: Восприятие «Крыльев» М. Кузмина / Дж. Малмстад // Эротизм без берегов. Сборник статей и материалов. – М., 2004. – С. 122 – 129.
16. Кузмин М. Крылья / М. Кузмин // Эрос. Россия. Серебряный век / сост. А. Щуплов. – М., 1992. – С. 91 – 159.
17. Прокопов Т.Ф. Возвращение Михаила Арцыбашева / Т.Ф. Прокопов. – (http://az.lib.ru/a/arcybashew_m_p/text_0430.shtml)
18. Арцыбашев М.П. Санин / М.П. Арцыбашев. – (http://az.lib.ru/a/arcybashew_m_p/text_0010.shtml)
19. Ходасевич В. О порнографии / В. Ходасевич // Эрос. Россия. Серебряный век / сост. А. Щуплов. – М., 1992. – С. 294 – 300.
20. МакНейр Бр. Стриптиз-культура. Секс, медиа и демократизация желаний / Бр. МакНейр / пер. с англ. М. Леонovichа. – Екатеринбург, 2008. – С. 32.

21. Чуковский К. Геометрический роман / К. Чуковский // Речь. – 1907. – № 131. – (<http://www.chukfamily.ru/Kornei/Critica/artsybashev.html/>)
22. Арцыбашев М.П. Санин / М.П. Арцыбашев. – (http://az.lib.ru/a/arcybashew_m_p/text_0010.shtml)
23. Албюкюерк Д.Р. Генеалогия, власт и сексуалност / Д.Р. Албюкюерк // LiterNet. – 2002. – март 9. – № 3 (28). – (<http://litenet.bg/publish1/dalbiukiuerk/genealogia.htm>)
24. Нортън Р. Някои заблуди на социалния конструкционизъм / Р. Нортън / прев. С. Панайотов // LiterNet. – 2001. – 6 февруари. – № 2 (15). – (<http://litenet.bg/publish1/rnorton/konstruktion.htm>)
25. Хили Д. Гомосексуално влечение в революционна Россия: регулирование сексуально-гендерного диссидентства / Д. Хили. – М., 2008.
26. Арцыбашев М.П. Санин / М.П. Арцыбашев. – (http://az.lib.ru/a/arcybashew_m_p/text_0010.shtml)
27. Айхенвалд Ю. Литературные эскизы / Ю. Айхенвалд // Балтийский Альманах. – 1924. – № 2. – С. 63 – 65.
28. Арцыбашев М.П. Санин / М.П. Арцыбашев. – (http://az.lib.ru/a/arcybashew_m_p/text_0010.shtml)
29. Арцыбашев М.П. Санин / М.П. Арцыбашев. – (http://az.lib.ru/a/arcybashew_m_p/text_0010.shtml)
30. Арцыбашев М.П. Санин / М.П. Арцыбашев. – (http://az.lib.ru/a/arcybashew_m_p/text_0010.shtml)
31. Лазарова Е. Найден Шейтанов: културоптимизмът като хуманизъм / Е. Лазарова // Шейтанов Н. Балкано-българският титанизъм / Н. Шейтанов. – София, 2006. – С. 5 – 74.
32. Шейтанов Н. Сексокрация. Из метафизиката на един светоглед / Н. Шейтанов // Философски преглед. – 1936. – № 2
33. Иванов Г. Распад атома / Г. Иванов // Эрос. Россия. Серебряный век / сост. А. Щуплов. – М., 1992. – С. 252 – 277.
34. Донев В. Любов и жертвоприношение в първата брачна нощ (Кратки наблюдения върху художествената обработка на мотива в българската литература) / В. Донев // Критика. – 2003. – № 3 – 4. – (<http://litenet.bg/publish10/vdonev/liubov.htm>)

Проблемы политики зарубежных стран

А.В. Погорельский

История возникновения и развития «политики добрососедства» Европейского Союза

Статья посвящена истории становления и реализации «политики добрососедства» Европейского союза. Расширение Европейского союза привело к изменению его внешних границ. В связи с этим, появилась необходимость выстраивать модель сотрудничества с новыми соседями. Европейская «политика добрососедства» стала ответом на эту ситуацию. По мнению автора, на сегодняшний день трудно дать однозначную оценку успешности реализации «политики добрососедства». Несомненно, что с помощью этой программы ЕС удалось значительно расширить свое экономическое и политическое влияние на соседние страны. Однако нежелание Европейского союза согласовывать свои действия с сильными региональными игроками, такими как Россия, привело к резкому ухудшению отношений между ЕС и РФ и стало одной из причин начавшегося Украинского кризиса.

Ключевые слова: Европейский союз, расширение ЕС, интеграция, сотрудничество, экономическое и политическое влияние.

The article is devoted to the history of the formation and implementation of the "European Neighborhood Policy". Enlargement of the European Union has led to a change in its external borders, and it was necessary to build a model of cooperation with the new neighbors. European "Neighborhood Policy" was a response to this situation. According to the author, to date, it is difficult to give an unambiguous assessment of the success of the implementation of the "European Neighborhood Policy". There is no doubt that with the help of the program EU could greatly expand its economic and political influence on neighboring countries. However, the reluctance of the European Union to coordinate their actions with strong regional players, such as Russia, led to a sharp deterioration in relations between the EU and Russia and was one of the causes of the Ukrainian crisis.

Keywords: European Union, enlargement, integration, cooperation, economic and political influence.

Расширение Европейского союза стало большим шагом на пути укрепления безопасности и стимулирования экономического роста в европейских странах, но, в то же время, оно привело к резкому изменению его внешних границ. Эти обстоятельства не только открыли новые возможности для ЕС, но и поставили перед ним ряд новых серьезных задач. Необходимо было выстроить модель сотрудничества с новыми

соседями, которые даже в перспективе не рассматривались как полноправные члены Европейского Союза, но являлись важными экономическими и стратегическими партнерами. Европейская «политика добрососедства» стала ответом на эту новую ситуацию.

В 1980-е годы процессы европейской интеграции стали заметно ускоряться. Одним из ключевых направлений интеграции стало развитие региональной политики ЕС. Важным этапом в этом процессе стало принятие Мадридской конвенции (1980 г.) и организация в рамках Совета ЕС Комитета регионов – консультативного органа с правом политической инициативы[1].

В Едином Европейском акте (1986 г.) отдельной главой прописана необходимость экономического и социального сплочения и тем самым заложен фундамент для проведения региональной политики, основанной на солидарности[2].

Четкие принципы деятельности фондов, а фактически и коммунитарной региональной политики, были выработаны при подготовке и в ходе радикальной реформы Структурных фондов 1989 г., которая базировалась на четырех основных принципах:

- а) всемерной концентрации средств в наиболее нуждающихся регионах;
- б) программном, а не проектном подходе;
- в) партнерстве на всех уровнях: от национального до местного;
- г) дополнительности, т. е. совместном выделении средств из национального и наднационального бюджетов.

Расходы на эти цели к 1993 г. достигли 31% от всех расходов Европейского Сообщества[3, С.197-208].

Маастрихтский договор о Европейском Союзе (1992 г.) раскрыл положения, связанные с понятием субсидиарности (разделение предметов ведения на разных уровнях). Также был учрежден Фонд сплочения (Cohesion Fund), в задачи которого входит финансирование проектов в области защиты окружающей среды и развития трансъевропейских сетей в отстающих государствах-членах ЕС.

В 1990 году состоялась первая конференция трансграничных регионов, в ходе которой особое внимание было обращено на гармонизацию политических мер, связанных с обустройством трансграничных территорий.

Отправной точкой европейской дискуссии о политике в отношении будущих соседей можно считать саммит Евросоюза в Хельсинки в декабре 1999 г., итоги которого ясно показали, что к 2004–2005 гг. следует ожидать вступления в Союз как минимум 10 новых членов и, соответственно, значительного расширения границ на Восток. Новыми непосредственными соседями ЕС после 2004 г. должны были стать Украина, Белоруссия и Молдавия. Расширялась и граница с Россией, а её Калининградская область оказалась изолированной внутри ЕС и Шенгенской зоны[4, С.27-48].

Инициатором разработки Европейской «политики добрососедства» в 2001 г. выступила Польша, которая на тот момент не являлась членом Евросоюза. Министерство иностранных дел Польши в июне 2001 г. представило документ под названием «Восточная политика Европейского союза в преддверии расширения ЕС, включающего страны Центральной и Восточной Европы»[5]. Поначалу дискуссия проходила как обмен мнениями в форме писем и неофициальных документов.

В апреле 2002 г. Совет ЕС обсудил возможные перспективы «политики добрососедства» и призвал Еврокомиссию и Верховного представителя по общей внешней политике и политике безопасности Хавьера Солану внести свои предложения по данному вопросу, учитывая различия в отношениях ЕС с этими странами и их неоднородность по уровню «политического и экономического развития»[6]. С этого момента единая европейская политика в отношении соседей стала постоянной темой на заседаниях Совета ЕС и Европейского совета. Первые эскизы будущей политики соседства были представлены во второй половине 2002 года. В качестве первоочередных направлений сотрудничества в этих документах указывались экономическая кооперация, развитие торговых связей и сближение нормативных баз, что в полной мере отражало характер политики ЕС как в первую очередь экономического объединения. В своем выступлении на конференции Европейского сообщества учёных ассоциаций глава Еврокомиссии Романо Проди сформулировал тезис – «всё, кроме институтов», который подразумевал тесную интеграцию стран-соседей с Евросоюзом, но не формальное вступление в него, хотя в будущем такая перспектива полностью и не исключалась. Суть этой интеграции состоит в том, что страны-соседи должны перенять всю совокупность принципов, норм и ценностей, на которых базируется ЕС. В

области экономической интеграции предусматривалось распространение на соседей «четырёх свобод», то есть свободного передвижения капитала, товаров, услуг и людей, а в области политической – участие стран-соседей в мероприятиях Общей внешней политики и политики безопасности[7].

На первых этапах обсуждения этой программы под адресатами будущей политики «добрососедства» понимались только восточноевропейские страны-соседи: Украина, Молдавия, Белоруссия и, возможно, Россия. В конце 2002 г. в рамки формируемой политики «добрососедства» было решено включить не только восточных, но и южных соседей ЕС. Европейская политика «добрососедства» стала серьезным шагом на пути к сотрудничеству между ЕС и соседними государствами, так как вплоть до 90-х годов XX столетия Европейские Сообщества не имели опыта коллективных отношений со странами Центральной и Восточной Европы.

Во время пятого этапа расширения Европейского союза к ЕС присоединились 10 новых стран в 2004 г. и еще 2 страны в 2007 г. Расширение продвинуло границы ЕС на восток и создало новые внешние границы. В 2003 г. Еврокомиссия подготовила сообщение «Большая Европа - соседи: новая основа отношений с восточными и Южными соседями ЕС», в котором было предложено объединить ряд европейских программ по сотрудничеству с соседними государствами в одну общую политику. Цель этой новой объединенной политики состояла в создании кольца дружественных, стабильных и процветающих государств вокруг Европейского союза для обеспечения стабильности вдоль внешних границ ЕС.

Основными целями Европейской политики «добрососедства» являлись:

- создание общего экономического пространства, что подразумевало расширение внутреннего рынка ЕС и включение в него стран-соседей на основе гармонизации и переноса регулирующих норм и правил;
- расширение пространства «мягкой безопасности», что подразумевает борьбу с преступностью, нелегальной миграцией, торговлей наркотиками и пр.;
- урегулирование и предупреждение региональных вооружённых конфликтов;

– политическая стабилизация стран-соседей, содействие трансформационным процессам и улучшению ситуации в сфере соблюдения прав человека.

Таким образом, новая европейская политика не предусматривала перспектив вступления соседних стран-участниц в ЕС, но способствовала политическому сотрудничеству, экономической интеграции и, в конечном счете, доступу к общему рынку ЕС.

В мае 2004 г. Еврокомиссия опубликовала более обширный стратегический документ под названием «Европейская политика добрососедства». В этом документе оговаривались конкретные условия сотрудничества ЕС со странами-участницами новой политики. Кроме того, в документе 2004 г. особое внимание было уделено проблеме энергетической безопасности, а укрепление энергетического партнёрства со странами-соседями было представлено как важнейший элемент «политики добрососедства».

В 2006 г. был обнародован регламент об учреждении Инструмента европейского соседства и партнерства, определяющий порядок финансирования ЕПС и имеющий юридическую силу.

В 2008 г. Европейский союз обнародовал два новых проекта сотрудничества с ближайшими соседями. Идею реализации первого из них «Восточного партнерства» - выдвинули министры иностранных дел Швеции и Польши К. Бильдт и Р. Сикорский. После одобрения Советом ЕС и Европарламентом в 2009 г. проект был утвержден Европейским советом. Восточное партнерство является особым Восточным измерением Европейской «политики добрососедства» и адресовано шести участникам из стран СНГ. Его цель – активизировать движение восточноевропейских и кавказских государств к политической ассоциации и экономической интеграции с Европейским союзом. Странам-участницам проекта в перспективе предлагалось подписать соглашения об ассоциации с ЕС и перейти к созданию Зоны свободной торговли. Первый саммит «Восточного партнерства» состоялся 7 мая 2009 г. в Праге. На нем присутствовали делегации стран ЕС и шести стран-участниц программы: Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Молдовы и Украины.

Переговоры о подписании соглашений об ассоциации продолжались в течение нескольких лет. В 2014 г. соглашения об ассоциации с Европейским союзом подписали Украина, Грузия и Молдова.

Второй проект получил название «Барселонский процесс: союз для Средиземноморья». Реализации данного проекта началась после Парижского саммита по Средиземноморью 13 июля 2008 г по инициативе президента Франции Н. Саркози. В саммите приняли участие 27 стран – членов ЕС и 10 стран из средиземноморского региона, а также четыре страны присоединившиеся к данной программе (Босния и Герцеговина, Монако, Черногория, Хорватия). Главная цель проекта - дать новый импульс Евро-Средиземноморскому диалогу, начатому в 1995 г. с подписанием Барселонской декларации. Создание «Союза для Средиземноморья» было призвано дополнить и расширить существующий формат сотрудничества Европейского союза с государствами региона.

На сегодняшний день трудно дать однозначную оценку успешности реализации «политики добрососедства» Европейского Союза. Несомненно, что с помощью этой программы ЕС удалось значительно расширить свое экономическое и политическое влияние на соседние страны. Однако нежелание Европейского союза согласовывать свои действия с сильными региональными игроками, такими как Россия, привело к резкому ухудшению отношений между ЕС и РФ и стало одной из причин начавшегося Украинского кризиса.

Библиографический список

1. Зонова Т.В. От Европы государств к Европе регионов / Т.В. Зонова // Полис. – 1999. – № 5.
2. The Single European Act – 1986 – 17.02//URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=URISERV%3Axy0027>
3. Косов Ю.В., Торопыгин А.В. Развитие европейской региональной политики / Косов Ю.В., Торопыгин А.В.// ПОЛИТЭКС. – 2009. – №2.
4. Федорцев В.А. Восточное направление европейской политики соседства: особенности становления и развития / Федорцев В.А.//Проблемы национальной стратегии. – 2012. – №2.
5. The Eastern policy of the European Union in the run-up to the EU's enlargement to include the countries of Central and Eastern Europe (Poland's viewpoint, Warsaw, 13 June, 2001) / Republic of Poland. Ministry of Foreign Affairs. URL: <http://www.forost.ungarisches-institut.de/pdf/20010613-1.pdf>
6. General Affairs : 2421st Council meeting (Luxembourg, 15 April 2002) : 7705/ 02 (Presse 91) / President Mr Josep Pique i Camps, Minister for Foreign Affairs of the Kingdom of Spain // Council of the European Union. URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/gena/70160.pdf
7. <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/02/619>

Эволюция нормативно-правового регулирования статуса беженца в ЕС

Конвенция ООН «О статусе беженцев» [1] с дополнительным протоколом 1967 года [2] заложила основы для правового развития ЕС в области защиты беженцев и миграционного законодательства. Вышеуказанный документ был подписан всеми странами-членами ЕС. Конвенция сформулировала основные понятия и принципы международной защиты прав человека в области вынужденной миграции, определила условия предоставления убежища, обязанности принимающей стороны.

В результате подписания Конвенции получение убежища превратилось в неотъемлемое право лица, а его предоставление - международной обязанностью государства, подписавшего Конвенцию.

Глубокие интеграционные процессы развития Европейского Союза привели к созданию открытых границ и к свободе передвижения граждан государств-членов ЕС внутри Европейского Союза, а, следовательно, и беженцев в значительной степени приравненных к ним в правах Конвенцией 1951 года.

Кроме того, закрепленный принцип ответственности первого государства, куда въезжает лицо, ходатайствующее об убежище, весьма не пропорционально распределяет бремя содержания и финансовой ответственности. Очевидно, что страны, не имеющие общих границ с другими государствами, не являющимися членами ЕС, в меньшей степени сталкиваются с проблемами принятия и содержания беженцев на первоначальном этапе, чем страны, расположенные на границе Европейского Союза. С другой стороны, существующее различие в уровне экономического развития стран-членов ЕС существенным образом влияет на привлекательность той или иной страны для вынужденного мигранта. Бесконтрольное перемещение большого количества беженцев может привести к диспропорциональным расходам на их содержание и подрыву экономики государства.

Понимая значимость описанной выше проблемы, страны ЕС стремятся выработать единую политику в отношении условий предоставления убежища и достичь справедливого распределения

финансовой нагрузки, связанной с выполнением международного обязательства по защите прав беженцев.

В связи с распадом СССР и крайне тяжёлым экономическим положением ряда стран Африки (бывших колоний европейских стран), в конце XX века вопросы вынужденной миграции и беженцев стали занимать все более важное место в повестке дня европейской политики. Возросшее количество беженцев, искавших убежище в ЕС, и отсутствие единого подхода к вопросу предоставления данного статуса, заставило страны-члены ЕС искать коллективные способы решения данной проблемы.

Сформированная в ЕС еще в 1985 году специальная группа по проблемам иммиграции к 1990 году подготовила документ, получивший название Дублинская конвенция [3], в которой закреплялся принцип рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища тем государством, в которое оно подано.

Заключение Маастрихтского договора ознаменовало создание так называемой «третьей опоры», куда вошли вопросы миграционного законодательства, визы, убежища и др. При этом сотрудничество государств осуществлялось на межправительственном уровне и особого результата не приносило.

С 1999 года страны ЕС активно работают над созданием общей европейской системы предоставления убежища. На саммите Европейского совета в Тампере в 1999 году достигнуто важнейшее понимание необходимости выработки общей политики Европейского союза в отношении убежища и миграции [4].

С 2000 по 2004 гг. реализовывался первый этап создания общеевропейской системы убежища, главной задачей которого можно считать приведение законодательства стран-членов ЕС в соответствие с едиными минимальными требованиями. Важным экономическим средством поддержки обязательств в области защиты прав беженцев является формирование Еврокомиссией (с 2000 года) Европейского фонда помощи беженцам [5].

В 2001 году принята директива Совета ЕС о минимальных стандартах предоставления временной защиты в случае массового притока временно перемещенных лиц [6].

Большое значение имеет принятие Советом ЕС в 2003 году Директивы о минимальных стандартах предоставления убежища [7]. Она направлена

на сокращение вторичных перемещений мигрантов путем предоставления минимальных услуг и гарантий соблюдения базовых прав беженцев.

Также с 2003 года начала работу дактилоскопическая база EURODAC[8], содержащая отпечатки пальцев всех ищущих убежища на территории ЕС, а также нелегальных иммигрантов.

В 2004 году на заседании Совета ЕС было принято важное решение о начале второго этапа создания общеевропейской политики по вопросам предоставления убежища. Советом ЕС подчеркивалась необходимость справедливого распределения бремени приема беженцев и солидарной ответственности стран-членов ЕС в финансовом обеспечении прав граждан, а также необходимость более тесного обмена информацией и миграционной обстановки и усиления контроля. Результатами реализации второго этапа стало принятие ряда нормативных документов в области миграционного законодательства.

Директива Совета ЕС 2005 года о статусе беженцев и лиц без гражданства[9] закрепила дополнительный статус субсидиарной защиты для лиц, не признанных беженцами, но в отношении которых были выявлены достаточные основания считать, что данные лица в случае возвращения в страну постоянного проживания могут быть подвергнуты риску серьезного причинения ущерба.

В 2007 году вступил в силу Регламент об учреждении, деятельности и использовании второго поколения Шенгенской информационной системы(SISII)[10], а в 2008 году вступил в силу Регламент о визовой информационной системе (VIS)[11].

Большое значение имела принятая в 2005 и обновленная в 2008 году Директива Совета ЕС о минимальных стандартах процедур государств-членов по предоставлению и отказу в статусе беженца [12].

Вместе с заключением Лиссабонского договора в 2007 году открылись новые возможности для совершенствования законодательной базы в области защиты прав беженцев. Лиссабонский договор относит вопросы свободы пространства и безопасности к совместной компетенции Европейского Союза и стран-членов ЕС[13]. Статья 78 Лиссабонского договора гласит, что Евросоюз будет развивать общую политику убежища и примет меры по созданию общей системы убежища:

- общий статус убежища для граждан третьих стран на все территории ЕС;

- общую систему временной защиты для перемещенных лиц в случае массового притока беженцев;
- общую процедуру предоставления и отказа в предоставлении убежища;
- критерии и механизмы определения страны-члена, ответственного за рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища;
- стандарты приема лиц, ходатайствующих об убежище [13].

Кроме того, Лиссабонским договором предусмотрено право Совета вмешаться в разрешение чрезвычайной ситуации по наплыву беженцев в какую-либо страну-член ЕС [13].

В декабре 2011 года была опубликована новая директива Совета ЕС о минимальных стандартах процедур государств-членов по предоставлению и отказу в статусе беженца [14], призванная повысить качество оказываемой помощи. Данная директива признает необходимость в предоставлении убежища в случае преследования по гендерному признаку. Отдельное внимание в директиве 2011 года уделено учету интересов несовершеннолетних детей при рассмотрении ходатайства о предоставлении убежища.

В 2013 года отдельной Директивой [15] было предусмотрена возможность самостоятельного определения странами-членами ЕС безопасных стран происхождения, т.е. тех государств, в которых массовые преследования граждан не выявлены. Поскольку принятые государствами-членами ЕС списки безопасных стран происхождения существенно отличались друг от друга и не были согласованы между собой, Комиссия занялась разработкой общеевропейского списка куда вошли Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Косово, Черногория, Сербия, Турция. Граждане из этих стран не будут рассматриваться в качестве нуждающихся в предоставлении убежища, кроме исключительных случаев.

Вот с такой законодательной базой Европейский союз подошел к сложнейшему испытанию, получившему название «миграционный кризис». Миграционный кризис начался в 2015 году, когда в Европу хлынул поток мигрантов из Сирии, Ирака и Афганистана. Дублинская система оказалась неспособной противостоять такому объему беженцев. На такие страны, как Греция и Италия, пришелся основной «удар» нелегальной миграции в 2015-16 гг. Стало очевидным, что принцип ответственности за судьбу беженца того государства-члена ЕС, в которое было подано ходатайство или

произошло пересечение границы, с учетом объемов нелегальной миграции и подаваемых ходатайств об убежище, не может быть полностью соблюден из-за запредельной экономической нагрузки и растущего социального напряжения в конкретной стране.

В 2015 году в Европейском Союзе происходят серьезные преобразования как в миграционной политике, так и в правовом регулировании вопросов миграции, когда были разработаны временные схемы перемещения беженцев из Греции и Италии для облегчения бремени исполнения этими странами международных обязательств, предусматривающих перемещение в другие страны ЕС 160000 соискателей статуса беженец.

В сентябре 2015 года Комиссия внесла предложение о введении механизма кризисного перемещения беженцев, основанного на системе квот, целью которого было справедливое перераспределение нагрузки на все государства ЕС.

Для преодоления миграционного кризиса Европейский Союз был вынужден использовать даже механизмы, идущие вразрез с фундаментальными принципами Женевской Конвенции.

Так, в 2016 году ЕС, с целью пресечения нелегальной миграции, был вынужден подписать с Турцией «пакт» о беженцах, по которому нелегальные мигранты, прибывающие на лодках из Турции через Эгейское море в Грецию, возвращаются обратно в Турцию, а взамен ЕС принимает сирийских беженцев, находящихся в Турции [16]. Такой круговорот беженцев, должен нанести удар по нелегальному бизнесу, связанному с доставкой беженцев в ЕС. Однако возвращаемые в Турцию беженцы лишаются права на убежище в ЕС и не приобретают его в Турции, поскольку в этой стране беженцем может быть признан лишь гражданин из стран Евросоюза. Именно тогда Верховный комиссар ООН по делам беженцев назвал сделку ЕС с Турцией незаконной [17].

Миграционный кризис 2015-16 гг. выявил не только недостатки нормативной базы Евросоюза, но и отсутствие единства в принципиальном подходе к миграционному вопросу. Террористические акты с участием мигрантов, сотрясающие в последние годы европейские страны, усугубили раскол европейского общества по отношению к лицам, ищущим убежища.

Пока одни страны-члены ЕС увеличивают финансирование специальных фондов для помощи беженцам, другие возводят на своих

границах стены и закрывают страну для миграции. Нежелание ряда стран принимать участие в распределении беженцев на основе системы квот свидетельствует о том, что путь преодоления миграционного кризиса пока не найден, а, значит, нормативная база ЕС в этом вопросе в ближайшие годы будет серьезно эволюционировать.

Библиографический список

1. Конвенция о статусе беженцев (Женева, 28.07.1951 г.). – URL:<http://base.garant.ru/2540374/>
2. Протокол, касающийся статус беженцев от 31.01.1967 г. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees_prot.shtml
3. Дублинская конвенция 1990 года, определяющее государство, ответственное за рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища, поданных в одном из государств-членов Европейского сообщества. – URL:<http://www.unhcr.ru/doc/1990-dublin.doc>
4. Tampere European Council, 15-16 October, 1999. Presidency conclusions. – URL: http://www.europarl.europa.eu/summits/tam_en.htm#a
5. 2000/596/EC: Council Decision of 28 September 2000 establishing a European Refugee Fund. – URL:<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32000D0596>
6. Директива Совета Европейского Союза 2001/55/EC от 20 июля 2001 г. о минимальных стандартах для предоставления временной защиты в случае массового притока перемещенных лиц и о мерах, обеспечивающих баланс усилий государств-членов ЕС при приеме таких лиц и принятии последствий их приема. – URL:http://unhcr.org.ua/img/uploads/docs/Council%20Directive%202001_55EC_1.pdf
7. Директива Совета 2003/9/EC от 27 января 2003 г., определяющая минимальные стандарты предоставления убежища. – URL:<http://evolutio.info/content/view/1033/175/>
8. Regulation (EU) No 603/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on the establishment of 'Eurodac' for the comparison of fingerprints for the effective application of Regulation (EU) No 604/2013 establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an application for international protection lodged in one of the Member States by a third-country national or a stateless person and on requests for the comparison with Eurodac data by Member States' law enforcement authorities and Europol for law enforcement purposes, and amending Regulation (EU) No 1077/2011 establishing a European Agency for the operational management of large-scale IT systems in the area of freedom, security and justice. – URL:<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32013R0603>
9. Директива Совета Европейского союза 2005/85/EC от 1 декабря 2005 г. о минимальных стандартах для процедур государств-членов по предоставлению и отмене статуса беженца. – URL:<http://evolutio.info/content/view/1035/175/>
10. Регламент № 1987/2006 Европейского парламента и Совета Европейского Союза об учреждении, функционировании и использовании Шенгенской информационной системы второго поколения (СИС ii). Брюссель, 20.12.2006. – URL:http://www.conventions.ru/view_base.php?id=9705

11. Regulation (EC) No 767/2008 of the European Parliament and of the Council of 9 July 2008 concerning the Visa Information System (VIS) and the exchange of data between Member States on short-stay visas (VIS Regulation) – URL:<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2008:218:0060:0081:EN:PDF>
12. Council Directive 2005/85/EC of 1 December 2005 on minimum standards on procedures in Member States for granting and withdrawing refugee status. –URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=URISERV:l33140>
13. Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества. Лиссабон, 13 декабря 2007 г. - 2007/C 306/01. –URL: <http://eulaw.ru/treaties/lisbon>
14. Amended Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on minimum standards on procedures in Member States for granting and withdrawing international protection, (COM(2009) 554). - <http://www.refworld.org/docid/4f3281762.html>
15. Directive 2013/32/EU of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on common procedures for granting and withdrawing international protection. – URL:<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=celex%3A32013L0032>
16. Statement of the EU Heads of State or Government, 07/03/2016.- URL:<http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/03/07-eu-turkey-meeting-statement/>
17. UNHCR expresses concern over EU-Turkey plan. – URL:<http://www.unhcr.org/news/latest/2016/3/56dee1546/unhcr-expresses-concern-eu-turkey-plan.html>

The EU-Russia relations: two different logics of foreign policy?

Although the notion of globalisation goes through the facets of surrendering of sovereignty and uprise of economic interdependence, the EU and Russia still accumulate a big amount of rivalry. The author applies the famous idea of J. Mearsheimer on the existence of two logics of foreign statecraft between Russia and Europe exploring does the globalisation put an impact on such relations.

Key Words: the European Union, Russia, soft power, democracy, CIS, Near Abroad, Ukraine, South Caucasus.

Несмотря на глобализацию, способную увеличить влияние экономических связей и спад классического понимания суверенитета и территории, Европа и Россия находятся в состоянии продолжительного кризиса. Развивая тезис Миршаймера о наличии двух логик политического управления, автор задается вопросом, способна ли глобализация изменить кризисное положение, или подобное существование двух логик ставит будущее отношений под большой вопрос.

Ключевые слова: ЕС, Россия, мягкая сила, СНГ, Южный Кавказ, Украина.

Globalisation is supposed to eliminate territoriality, hard power implementation and sovereignty in its present form, whereas economic interdependence should be gathering paces. But the question is still opened whether-post-modernity with its tendency of declining role of territoriality, which, for instance, G.Ruggie (Ruggie, 1993) claims, is still applicable towards EU - Russia relations. If so, does the rising interdependence effect on the diminishment of sanctions?

But are the EU and Russia drawn in the sphere of impact of globalisation equally? Although both the EU and Russia today use primary soft power as a modern political tool I argue that the outcomes of one's statecraft are drastically different because of diverse understandings of key concepts of state, sovereignty and political power that goes back to different historical and identical backgrounds. Thus, it brings two different logics the EU and Russia use engaging with foreign countries and, subsequently, with each other.

First of all, let us try to understand the EU soft empowerment, through the concept of 'normative power', provided in Nielsen, Vilson and Vasilyan articles. The EU passed a long and difficult path of integration to formulate a specific and classic set of concepts, which serves as a tool for political act (Whitman, 2010): decentralised structure with high rates of inclusion of big and small European countries. Sovereignty in this state is weak, due to the delegation of its national

member states upward to Brussels, and the power is definitely understood as an economic and financial tool. It should be noted that the European identity today has very firmly established the significance of rules and values, which helps to preserve the unity, solidarity in each external action (e.g., sanctions). Nevertheless, many scholars agreed on the divided nature of Europe that is called as 'comopolitain' in Gerard Delanty (Delanty, 2002) article. Europe has always been between normative and ethnocentric, liberal and federalist. «Whether 'Europe' is defined as big or small, on cultural, geographical or political criteria, depends much on national vantage-point» (Mikael af Malmberg, Bo Stråth, 2002). This brings to the fore the issue of institutions as servants ('agents') of national governments, that are able to facilitate compromises and make commitments within the EU more credible. If we look at, for instance, the issue of Eastern Partnership policy (Main sources used: Nielsen, 2013. Vilson, 2014. Vasilyan, 2014), the very first facet of the EU affairs is one's institutionalised nature. «Strengthening democratic institutions and promoting socio-economic development are considered to be conditions for preventing the outbreak of a civil war and further inclusion towards comprehensive partnership».- Suzanna Vasilyan says regarding on the EU policy in the region of South Caucasus. (Vasilyan, 2014.p. 399) If we take a closer look on the statistics provided in the article, we notice enormous funds given by the EU (ibid. p. 408-409) in order to facilitate conflicts within the region and provide one with more close partnership. For instance, the European Union as a conflict manager, crafting one's policy as a 'moral', 'civilian' power invested in Abkhazia/S.Ossetia 23 million euro, Georgia 715 million, and Azerbaijan 169 million (ibid.). But 'delusion' of the policy is attributed to one's incoherence. Despite the implementation of the EU institutionalised policy it had not averted the instability/insecurity within the region. (ibid. p. 418) The very same attitude towards the EU's 'moral'/'normative' soft empowerment is shared by Kristian L Nielsen (Nielsen, 2013). «But more often, the EU's ability to benefit from its soft power falls victim to its limited capability in traditional terms, and therefore does not in fact contribute greatly to the success of EU foreign policy in such instances». (ibid. p. 737)

The lack of results were approved during the EU-Ukraine integration during the civilian EU Advisory Mission «in the framework of Common Security and Defence Policy (CSDP) to mentor and advice Ukrainian officials on civilian Security Sector Reform (SSR)». (Nováky, 2015. p. 244) Balancing between Russia's actions in Crimea and deepening integration of the EU, the West had

chosen 'soft' balancing showing political support to the Ukrainian government during the crisis. It «corroborates a hypothesis about the limits of the EU's democratic conditionality in relations with authoritarian states». (Kudelia, 2013. p. 39) European External Action Service (EEAS) played only a supporting role rather than fully involved service.

Ironically in order to become an efficient soft empowerment it requires hard one to use subsequently. While the EU reaches one's limits during engagement with neighbouring countries, Russia's soft empowerment has been implemented rather successful if we look at Near Abroad region as it described in Marlene Laruelle article. (Laruelle, 2015) We apply Russia's public diplomacy in the Near Abroad as a different way of soft empowerment. The priority of the Near Abroad began to crystallise during the terms of foreign minister and prime minister Evgeny Primakov. Such region is a primary space for foreign statecraft of Russia. In her article, Laruelle identifies the following tendencies of public diplomacy as economic investments, multilateral organisations, NGO diplomacy and citizenship policy. (ibid. p.10-13) From the point of view of fund investments, mainly through giant companies, such as Gazprom, Rosneft, Itera and Lukoil, Russia is spreading its influence in Ukraine, Belarus, Central Asia, controlling the field of production, and transportation of energy resources. Electricity production and supply is also applied to Kyrgyzstan, Tajikistan, Moldova, Armenia, Georgia etc. Such a policy embodies Russian sphere of influence in the region. Multilateral institutionalised policy «since creation of CIS remains dysfunctional body for regional dialogue». (ibid.) It is noteworthy that in the CIS the hard-core role has always been played by Russia. In the 2000s Russia was the initiator of the creation of the Collective Security Treaty Organisation which included Belarus, Armenia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan. The Eurasian Union, which entered into force in 2015, which was the first post-Soviet integration project with a significant effect on the economy of member states, has also been created as a Russia-centered organisation. Its functioning implies the free movement of goods, services, capital and labour. In General, the Eurasian Union is an economic, institutional, strategic project involving member States like the European one. Cooperation with Neighboring countries on other level of NGO diplomacy has been traced by Orysia Lutsevych. Lutsevych (2016) She mentions 59 organisations operating in Russia and abroad, from far-right and facist like Black Hundred, to neo-imperial and traditionalist like Izborsky CLub, Eurasian New Wave and Orthodox such as Dialogue of Civilizations Endowment, Global

Russian People Council and so on. (ibid. p. 10-31) Such organisations facilitate support for Pro-Russian civil societies, representing the Russian minority, as well as youth organisations, think tanks, analytical centres. Citizenship policy includes passportization and repatriation programs. Both have been used quite efficaciously: only in Crimea Russia provided citizens with up to 17000 passports (Roslycky, 2011. p. 308) and furthermore, up to 50000 citizens were returned to Russia from the Near Abroad region.

Russia's model of soft empowerment goes hand by hand with a hard one. For instance, energy investments are aimed towards inducement of regional states to be drawn in one's economic influence. From a banking sector that is entirely formed by CIS to economic embargo's and boycotts that might be legally posed from reluctant neighbours and infrastructure. (Laurette, 2015. p. 13) Multilateral institutionalised policy makes countries be more directly and legally stucked to Russia as a central state within this legal framework. The role of NGO diplomacy has been described in M. Laurette and Lada L. Roslycky articles how Russia implemented ones in 'Novorossiya' and Crimea and how efficient was such policy in a way of norms diffusion and agenda-setting. (For Crimea we know that in empirical fashion) Moreover, such non-governmental organisations are fully supported by the private banks and various funds, such as «Moscow-Crimea» supported by the Moscow mayor. This type of soft power breaks appropriate theoretical frame of one's concept provided by the S.Rothman who pinpoints in the basket of 'SP': attraction and agenda-setting. (Rothman, 2011. p. 51) It appears that Russia's political tools are broadly diverse and complex than pure soft empowerment.

Efficiency of such I find in a drastically different understanding of policy and therefore soft power implementation. From the Soviet identity Russia inherited mainly the «unrecognised» (Neumann, 2008; Tsygankov, 2010) status of a great power, the concept of solid sovereignty (As Putin said once «We do not trade with sovereignty»), a state-centric model of inner political development. Within the Russian system norms and rules do not play such a significant role, as in the European Union therefore the extreme argument in foreign policy is military power. (Russian invasion in South Ossetia in 2008, Russian takeover of Crimea in 2014) Additionally, compared with the EU, in Russia the role of institutions is undermined. This is the primary reason why the future stabilisation of Russian-EU ties might be extremely complicated and unpromising within the Common Institutions framework. This is evident, for example, on the basis of

Russia's position on The Trilateral Talks on DCFTA in which Russia, Ukraine and the EU participated. Russia's political bargaining and pushing of its interests locks Ukraine from further European integration, despite the fact that Ukraine «doesn't need to choose between Russia and the EU».

Such existence of two different logics of foreign statecraft as it was described by J.Mearshimer, 'liberal' one, based on institutionalised and law-obedient rules, financial tools and the idea of shared economic interests and 'realistic' one, focused on political, forceful tools, sphere-of-influence logic and coercion cannot promise quick conflict resolution even in the age of globalisation with its high degree of multi-sectoral economic interdependence. Moreover, as it was described in Ted Hopf's article 'The logic of habit in International Relations' (Hopf, 2010) habitualised interstate relations based on one's categorisation other as friend/foe (in the issue of EU-Russia talks the question is rather obvious) simplify the conflict that might go beyond cost/benefit calculations as it appears today (Hopf, 2010 p. 552).

Evidence that the logic of habit underpins an enduring rivalry begins with an enduring pattern of hostile interactions not accompanied by a reflective calculation of the costs and benefits of the relationship or reference to some norm specifying what actions are appropriate in such a relationship. Instead, we should see automatic responses to the actions of a rival.

My argument of the habitualized policy existence has been proved by the very fact that from the 90's long-lasting results of the EU-Russia engagement didn't appear. Although we live in the era of globalisation, the deepening of both interdependent and multi-sectoral integration requires a large amount of time and treaties, maybe even beyond the classic framework of the interstate talks.

References

1. Ruggie, John, 1993. *Territoriality And Beyond: Problematizing Modernity In International Relations*.
2. Whitman, Richard, 2010. *The EU: Standing Aside From The Changing Global Balance Of Power?*
3. Delanty, Gerard, 2002. *Models Of European Identity*
4. Malmberg And Stråth, 2002. *Introduction: The National Meanings Of Europe*
5. Nielsen, Kristian, 2013. *The EU Soft Power And Capability: Expectations Gap*.
6. Vilson, Maili. 2010. *The Eastern Partnership: Soft Power Strategy Or Policy Failure?*
7. Vasilyan, Suzanna, 2010. *Moral Power' As Objectification Of The 'Civilian'/ 'Normative' 'Eulogy': The European Union As A Conflict-Dealer In The South Caucasus*

8. Nováky, Niklas, 2015. *Why So Soft? The European Union In Ukraine*
9. Kudelia, Serhiy. 2013. *When External Leverage Fails The Case Of Yulia Tymoshenko's Trial*
10. Laurelle, Marlene. 2015. "Russian World" Russia's Soft Power And Geopolitical Imagination.
11. Lutsevych, Orysia. 2016. *Agents Of The Russian World Proxy Groups In The Contested Neighbourhood*
12. Roslycky, Lada. 2011. *Russia's Smart Power In Crimea: Sowing The Seeds Of Trust*
13. Rothman, Steven. 2011. *Revising The Soft Power Concept: What Are The Means And Mechanisms Of Soft Power?*
14. Neumann, Iber. 2008. *Russia As A Great Power, 1815–2007*
15. Tsygankov, Andrey. 2010. *Russia's Power and Alliances in the 21st Century.*
16. Hopf, Ted. 2010. *The Logic of Habit in International Relations.*

СМИ как инструмент «мягкой силы»

В статье анализируется роль средств массовой информации в контексте «мягкой силы»; приводятся различные точки зрения на предмет того, какую роль занимают информационные ресурсы в современной мировой политике. Автор обращает внимание на то, как используются СМИ в качестве инструмента реализации «мягкой политики». Кроме того, в статье подчеркивается важность средства массовой информации как новых акторов международных отношений.

Ключевые слова: СМИ, «мягкая сила», мировая политика, информационные ресурсы

The article is devoted the role of the mass media in the context of «soft power»; it provides different perspectives on the role of information resources in the contemporary world politics. The author draws attention to the media as a tool for the implementation of "soft policy". Moreover, in the article are emphasized the importance of the mass media as new actor of international relations.

Key words: mass media, «soft power», world policy, information resources

Информационный бум и информационная революция вынесли на повестку дня задачу переосмысления новой роли СМИ в мировом политическом процессе. В сложившихся условиях, зачастую инструменты давления и силы уступают по эффективности инструментам убеждения. И информационные ресурсы определённо занимают центральную и главенствующую роль в процессе формирования общественного сознания и мнения. Именно от успешной работы средств массовой информации во многом зависит то, как общество, граждане того или иного государства станут оценивать какую-либо ситуацию. В то время как количество субъектов мировой политики увеличивается, а взаимосвязь между ними укрепляется, роль СМИ как создателей информационных потоков становится всё важнее. Они, имея самое непосредственное отношение к политической жизни выполняют репродуктивную (отображают политику через радио, телевидение и прессу), так и продуктивную (творящую) функции, из чего следует, что они в той же степени, что и деятели политики несут ответственность за происходящие в обществе процессы [1].

Современная мировая политика активно использует глобальную информационную сеть как средство и среду своей деятельности.

Сегодня совершается широкое включение политики в медиа пространство, в коммуникативную сеть Интернет. Как следствие, происходит виртуализация как самого политического процесса, так и его результатов. Именно в этом случае говорят о том, что граница между реальным настоящим и воображаемым делается в сознании индивида все более эфемерной, поэтому возникают вопросы касательно того, насколько позитивны аспекты данного феномена. С одной стороны, развитие информационных технологий способствовало активизации гражданского общества, однако с другой стороны, вызвало к жизни девиантные формы «цифрового протеста», которые мы наблюдаем, в частности, в Интернете.

В современном мире информационный поток генерируется и обрабатывается множеством различных информационных ресурсов и безграничным Интернетом, что неизбежно приводит к многообразию самой информации и средств ее трансляции. Еще в конце 70-х годов по мере развития электронных СМИ, информационных технологий и совершенствования компьютерной техники расширился дискурс о функциях средств массовой коммуникации, роли информации в жизни общества и тенденциях построения информационного общества. В этой связи представляют интерес два имени — Элвин Тоффлер и Маршалл Маклюэн, исследователи, концепции которых вызывали неоднозначное отношение со стороны традиционной науки. Их часто критиковали за чрезмерную публицистичность и ориентацию их книг и концепций на широкий общественный дискурс. Теоретики постиндустриальной эпохи отмечают, что общество «Третьей волны» существенно отличается от общества «Второй волны» тем, что если во втором случае мы говорим о создании массовых образов, то для первого присуще не только создание, но и возросшая возможность манипулирования образами. Это теоретики связывают с появлением и широким развитием информационных технологий [2].

Американский социолог, один из основателей концепции постиндустриального общества, Элвин Тоффлер, определил, что культура постиндустриального социума, заменившая массовую культуру индустриального общества, является «клип-культурой». Другими словами, культура современного общества, сложившаяся под информационными потоками, в результате деятельности современных

электронных СМИ, характеризуется тем, что эмоции опережают логику. В этом ключе, роль СМИ в формировании, трансляции и распространении образа «реальности», информации о политических событиях, не только возрастает, но и некоторым образом упрощается.

СМИ сегодня представляют собой одну из главных арен ведения международной политики. Как писал в 2004 году Джозеф Най, политику можно описать как «конкурс доверия», в котором различные государства и их правительства борются друг с другом (и другими субъектами) на предмет того, как интерпретировать события перед массовым зрителем. Сегодня лидеры государства, политические деятели вынуждены находить объяснения и оправдания своих внутренних и внешнеполитических решений перед гражданами в стране и за рубежом, в силу того, что вторые все чаще имеют доступ ко всему происходящему в режиме реального времени. СМИ освещают события и различные комментарии, которые их сопровождают. Тот, кто переиграет своих соперников в конкурсе убедительности, сможет пожинать такие плоды, как консолидация общества, внутренняя поддержка и снижение международного сопротивления. Авторитет и престиж государства также на кону: репутация и имидж государства зависит от того, оцениваются ли проводимые им действия как легитимные или нет [3].

В настоящее время многие страны выделяют «мягкую силу» как одну из важнейших внешнеполитических целей. Очевидно, что в условиях глобализации, информационное обеспечение государственной политики является одной из составляющих национальных интересов государств. Для Российской Федерации это также очень актуально. Современные политические кризисы начала XXI века поставили перед фактом- информационная политика РФ имеет большие пробелы. Согласно Концепции государственной информационной политики России, её долгосрочной стратегической целью является обеспечение перехода к новому этапу развития государства — построению демократического информационного общества и вхождению России в мировое информационное сообщество. Вот что нам говорит статья 20 Концепции внешней политики РФ об использовании «мягкой силы» и ИКТ: «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится

«мягкая сила» - комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии. Вместе с тем усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом» [4].

СМИ сегодня являются как инструментом «мягкой силы», так и фактором «мягкой силы», причиной, движущей силой, определяющей её характер и отдельные черты. И в этом определённно новое место и значение СМИ в контексте политики «мягкой силы». В современных условиях массмедиа приобретает глобальное значение, становясь полноправными актором мировой политики [5]. Все события имеют отражение в СМИ, ни одна деталь политической жизни не остается без информационного сопровождения. При этом, размер целевой аудитории отдельных медиа-гигантов равен количеству населения одной страны. Более того, тот авторитет, которым пользуются эти компании, также немаловажен.

В психологии хорошо известно, что чем авторитетнее источник информации, тем больше сила ее внушающего воздействия на людей. Учитывая это, практики психологических операций (ПСИОП) стремятся создать для своих источников информационно- психологического воздействия имидж особой осведомленности, объективности и независимости. Это достигается передачей достоверных сведений, хорошо известных, легко проверяемых, привлечением мнений экспертов, свидетелей, документальных данных, использованием самокритики и др. Так, они имеют возможность воздействовать на общественное мнение и, порой, менять ход событий [6].

Отечественный эксперт В.В. Фокина с своей статье, посвящённой данной тематике, предложила следующую классификацию основных функций современных СМИ как субъектов мировой политики:

- информирование внутренней и внешней общественности;
- манипулирование и убеждение граждан (формирование стереотипов, распространение идеологии, в некоторых случаях изменение сознания и формирование образа «врага» в лице представителей другого государства или этноса, психологического воздействия на граждан других стран);
- социализация и воспитание населения;
- развлечение населения, отвлечения от проблем и кризисогенных явлений во внутренней и внешней политике;
- поддержание и регулирование отношений между институтами власти и обществом (апеллирование к общественному мнению);
- контроль за правительством, его решениями и действиями;
- мобилизация населения для решения общественно значимых проблем;
- прогнозирование и предсказание политических действий властей, в том числе их инициирование и коррекция [7];

Другими словами, СМИ— это инструмент политической власти, социальный институт и «институт влияния». Обратим внимание, что перечисленные атрибуты СМИ взаимозависимы. И сейчас можно говорить о том, что если ты владеешь СМИ, - ты владеешь реальностью. В рамках новостного репортажа и статьи невозможно передать всю полноту реальных событий. В этой связи массмедиа, используя различные способы подачи информации, несколько искажают ее или производят отбор «нужной». На процесс информирования могут влиять как различные факторы, так и акторы мировой политики. В этой связи сегодня крайне актуально явление информационной войны, когда усиливается роль государственного аппарата и его политики по отношению к СМИ.

В контексте информационного противоборства появляются различные способы влияния на общественные массы. Так, принято выделять интегрированные маркетинговые технологии (политическая реклама, политические PR-кампании, информационный лоббизм) и немаркетинговые технологии организации информационных потоков и политической коммуникации (пропаганда и агитация). При этом, главное отличительной чертой последних является независимость выбора политических тем от потребностей масс или от

пространственно-временных сфер политики. Таким образом, мы видим, что СМИ как обособленный институт со временем становится независимым, это чревато глубокими последствиями. Обладая мощным влиянием и авторитетом среди общества, массмедиа в свою очередь может добиться колоссальных изменений. Особенно актуально это сейчас, когда Интернет, социальные сети и другие ресурсы заполняют все сферы нашей жизни. Более того, появляется тенденция не только информировать население, но и вовлекать его в обсуждения, процесс принятия решений, что безусловно усиливает возможности массмедиа.

Джозеф Най рассматривает СМИ в рамках концептуальной основы «мягкой силы», как своего рода власть [8]. И, если мы говорим о СМИ и о власти, в частности, о власти политической, важно видеть основное отличие этой разновидности от иных известных нам видов власти. Власть политическая влияет на широкие массы людей, при этом используя определенный аппарат управления и специфические средства. Сегодня составной частью государственной власти, неким свойством его, стала публичность. Так, средства массовой информации становятся связующим звеном между субъектами власти и объектом. И именно от этого посредника зависит полнота и достоверность отражения происходящего в информационных ресурсах, а отсюда складывается общественная мысль и отношение к власти. Реакция может быть положительной, или, например, вызвать недовольства с последующими протестами и требованиями, и тем самым дестабилизировать общество. Именно в этом ключе как никогда вспоминается выражение «СМИ- это четвертая власть».

Следует сделать вывод, что средства массовой информации являются не только мощными инструментами и средствами политики государств, но и самостоятельными акторами и субъектами политических процессов. Важно осознавать эту новую роль СМИ и, учитывая это, выстраивать грамотную информационную политику. Нынешняя нестабильная политическая ситуация мира лишь только подчеркивает важность нахождения правильных инструментов функционирования в этом глобальном медиа пространстве. Значение информационного фактора нельзя недооценивать, напротив, государственным структурам следует активизироваться в направлении выработки эффективных стратегий информационной политики, которая

будет отвечать современным медиа требованиям, будет готова к гибкой адаптации, к изменениям, а также новым, виртуальным формам политической борьбы. Ведь в условиях нестабильной международно-политической жизни такого рода противостояния, как например, «информационные войны» крайне актуальны.

Зачастую понятие «мягкая сила» употребляется вместе с другим понятием- «информационная война». Несмотря на то, что общие черты и существуют и основным инструментом, и средством, как в первом, так и в другом случае служит «информация», эти феномены не равнозначны. Следует весьма точно различать два этих понятия. Хотя первоначальной целью данных процессов является воздействие, конечная цель их отличается. В то время как тактика «мягкой силы» подразумевает привлечение союзников и их удержание. «Информационная война» -это деятельность, процесс, целью которой является распространение определенной информации. В данном ключе, представляется скорее верным, считать «информационные войны» крайними формами политики «мягкой силы», вернее даже формой злоупотребления этой силой.

Таким образом, средства массовой информации сегодня - эффективный и мощный инструмент мировой политики. Реалии нынешней политической ситуации совершенно ясно дают понять, что СМИ выполняют не только информационную функцию, они создают определённую реальность, используя при этом различные средства воздействия. Особенно ярко это демонстрируется в периоды международных конфликтов, когда проявляется феномен «информационных войн». Так, в условиях существования различных кризисных ситуаций и роста конфликтных очагов в международных отношениях, роль информационного фактора усиливается.

Библиографический список

1. Негодаев И.А. Информатизация культуры/ И.А. Негодаев. — Ростов-на-Дону: ЗАО «Книга», 2003. — С.92. — URL: http://polbu.ru/negodaev_informculture (дата обращения: 14.03.2016)
2. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. — М.: АСТ, 1999. — URL: <http://bookre.org/reader?file=175583> (дата обращения: 14.03.2016)
3. Nye J. S. Soft Power: the Means to Success in World Politics/ J. S. Nye. — New York: Public Affairs, 2004.—P.25.—URL:<http://bookre.org/reader?file=1156287> (дата обращения: 14.03.2016)
4. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г.// Гарант.ру.— URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (дата обращения: 12.03.2016)
5. Долинский А.В. Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии: автореферат дис... канд.полит.наук . / А.В. Долинский. —М., 2011.— С. 24
6. Зелинский С.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание/ С.А. Зелинский. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2008. — URL: http://scorcher.ru/neuro/neuro_sys/idee_fixe/idee_fixe0.pdf (дата обращения: 14.03.2016)
7. Фокина В.В. СМИ как акторы мировой политики / В.В. Фокина. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/smi-kak-aktory-mirovoy-politiki> (дата обращения: 14.03.2016)
8. Nye J. S. Soft Power: the Means to Success in World Politics/ J. S. Nye. — New York: Public Affairs, 2004. — P.14. — URL: <http://bookre.org/reader?file=1156287>

Проблемы истории зарубежных стран

В.И. Сальников

«Революция достоинства» и «Русская Весна»: сравнительный анализ

В данной статье автор, используя классическую и современную методологию исследования революционных процессов и повстанческих движений, делает сравнительный анализ «Революции Достоинства» на Украине и «Русской Весны» и рассматривает различные сценарии их возможного развития. Понимая важность прекращения вооруженного конфликта на Донбассе, одной из важнейших причин которого является столкновение двух вышеуказанных революционных процессов, он дает свое видение условий его урегулирования.

Ключевые слова: «Революция Достоинства», «Русская Весна», политические науки.

In this article the author, using classical and modern research methodology of the revolutionary process and the rebel movements, makes a comparative analysis of the "Revolution of dignity" in Ukraine and "Russian Spring" and considers various scenarios of possible development. Understanding the importance of cessation of the armed conflict in the Donbass, a major cause of which is the clash of two revolutionary processes of the above, he gives his vision of the conditions of its settlement.

Key words: "Ukraine's Revolution of Dignity", "The Russian Spring", political sciences.

События на Украине 2013-2014 гг., в ходе которых в результате массовых протестов пал режим В. Януковича, оказали серьезное влияние не только на политический процесс постсоветского пространства, способствуя его радикализации, но и вызвали усиление геополитического противостояния России и Запада. В отличие от «оранжевой революции» 2004 года, которую отечественные исследователи относят к идеальному типу «цветных революций» [19], и вполне вписывающейся в рамки теории «демократического транзита» [14], процессы, запущенные «Евромайданом», развивались по иной логике, объясняемой, исходя из других политологических теорий (парадигм). Не умаляя объяснительные возможности теории «смены режимов» [26], геополитической парадигмы [21], концепции «гибридных войн» [12] и даже «теории заговора» [22], автор данной статьи все же

считает, что их методологический аппарат не позволяют дать комплексный анализ судьбоносных украинских событий последних лет, и предлагает обратиться к несправедливо забытой отечественными учеными-обществоведами революционной парадигме (теории революции), объединяющей несколько поколений исследователей революционных процессов [6; 26].

И хотя до сих пор многие аналитики отрицают революционный характер произошедших на Украине событий в силу того, что «Революция Достоинства» не привела к смене социального строя, ограничившись лишь сменой олигархических группировок и политического курса на более прозападный [24, С. 5-20, 48-63], автор статьи, тем не менее, считает, что применение методологии революционной парадигмы к исследованию современного кризиса на Украине не только допустимо, но и может быть весьма продуктивным. Особенно, если учесть, что нынешнее поколение исследователей, не ограничиваясь марксистским подходом, акцентирует свое внимание на комплексном анализе революционных процессов и их последствий, рассматривая их как итог взаимодействия различных сил и факторов (социально-экономических, политических, психологических, международной среды и др.), выявляя их клиодинамические закономерности [6; 28]. Независимо от того удалась революция, или нет; привели к созданию нового социального строя, или же ограничивались сменой внутриэлитных группировок; победили сразу, или привели к затяжной гражданской войне; являлись «локомотивами истории», или же «отбрасывали общество назад»... Главное – чтобы их участники осознавали, что они «совершают революцию»...

Не ставя целью погрузиться в детальный анализ понятия «революция», сделанный разными направлениями исследователей данного феномена, автор статьи, в качестве рабочего определения остановился на определении революции, данным Джеком Голдстоуном, понимающим под революцией «насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов» [7, С.15]. Опираясь на данное определение, на самоидентификацию участников протестных выступлений и на активное использование политиками и

журналистами многих стран революционной терминологии к происходящим на Украине того периода событиям, автор данной статьи считает, что в 2013-2014 годы на Украине, цивилизационно и социокультурно расколотив на проевропейские Северо-Запад и Центр и связанный с Россией Юго-Восток, почти одновременно начались две революции – «Революция Достоинства» и «Русская Весна». Первая произошла в Киеве как реакция на отказ от подписания Виктором Януковичем «Соглашения об Ассоциации Украины с ЕС», а что касается второй, то это была не только реакция Юго-Востока на переворот в Киеве, но и стремление его пророссийски ориентированных жителей включиться в создание проекта под названием «Новороссия».

И там, и здесь определенным образом сложились объективные и субъективные предпосылки, влияли внешние и внутренние факторы. Результатом столкновения этих революционных волн стали сецессия Крыма, образование ДНР и ЛНР, вооруженный конфликт на территории Донбасса и кровавый террор, развязанный вооруженными сторонниками Евромайдана против оппонентов. Идет гражданская война, где кроме украинцев, с обеих сторон участвуют иностранные добровольцы и наемники, поступает зарубежная военная помощь.

И там, и здесь революционный процесс проходит через одни и те же фазы (по Дж. Голдстоуну) [7, С. 44-52]: I – захват власти революционерами; II – постреволюционную борьбу за власть. В настоящее время идет переход к III фазе – установлению «новой нормальной власти», когда на смену «революционным хунтам» и «каудильо» приходят демократически избранные лидеры и органы власти, пытающиеся, подчинив или подавив революционные бандформирования, установить контроль над всей территорией страны, способствуя установлению стабильности, а если получится, то и добиться международного признания. И здесь, и там сохраняется вероятность наступления «второй радикальной фазы», когда революционные элиты и массы, воспринимая происходящее как «отход от идеалов революции», могут попытаться совершить ее «второй виток», отстранив от власти тех, кто пришел туда на ее первой волне... И в Украине, и в самопровозглашенных республиках Донбасса еще далеко до наступления «реконсолидированной, стабильной версии революционного режима»...

Для более наглядного сравнения «Революции Достоинства» и «Русской Весны», которые начались, но еще не закончились, автор данной статьи приводит следующую таблицу:

Сравнительный анализ «Революции Достоинства» и «Русской Весны»

Фазы революционного процесса по Голдстоуну	«Революция Достоинства» [5;20;31]	«Русская Весна» [4; 16; 25]
I. Крах государства и захват власти революционерами	Евромайдан. Бегство Януковича. «Хунта». Поддержка со стороны Запада.	Сопротивление Евромайдану и киевской «хунте». Организация народных «ополчений» на Юго-Востоке Украины. Сецессия Крыма. «Вежливые люди». Провозглашение ДНР, ЛНР, ХНР и других «народных республик». Начало реализации проекта «Новороссия».
II. Постреволюционная борьба за власть	Подавление оппозиции. Схватка олигархических кланов. Начало «Антитеррористической операции» на Юго-Востоке.	Противоречия между участниками проекта «Новороссия». Постепенное отстранение от власти лидеров «революционной волны». Вывод граждан РФ из публичной политики ЛДНР.
III. Установление новой «нормальной власти»	Выборы президента, Верховной Рады и ОМСУ Украины и легитимизация «евромайданной»/ «постевромайданной» украинской власти. «Минско-нормандский процесс».	Выборы в высшие органы госвласти ДНР и ЛНР, глав республик и ОМСУ. Создание легитимных дееспособных ОГВ и ОМСУ. «Минско-нормандский процесс». «Заморозка» проекта «Новороссия»
IV. Вторая радикальная фаза (прогнозируется возможность)	Попытки радикалов устроить новый Майдан, а «ястребов» сорвать мирный процесс на Донбассе.	Противодействие радикальных сторонников проекта «Новороссия» переформатированию Донбасса в соответствии с «Минско-нормандским процессом».

<p>V.Реконсолидированная, стабильная версия революционного режима (прогнозируется возможность)</p>	<p>Консолидированная демократия vs новый «каудилизм»</p>	<p>Варианты: 1. Возвращение ЛДНР в Украину. 2. Реализация проекта «Новороссия». 3. Приднестровский/юго-осетинский вариант. 4. Присоединение к РФ в качестве новых субъектов. 5. Компромиссные варианты типа еврорегион «Донбасс», МТО «Донбасс», «договорная автономия» и др. [3;8]</p>
--	--	--

А если учесть тот факт, что в эпоху глобализации в организации и осуществления революций все большую роль играет т.н. внешний фактор [12], и что происходят они не столько по причине «обострения выше обычного бедственного положения народных масс» [11, С. 219], сколько по факту того, что страны, где они происходят, являются «слабым звеном» [11, С. XXIV] в какой-то очередной «цепи», – то применительно к «Революции Достоинства» и «Русской Весне» можно сказать следующее.

Их роднит то, что они протекают на Украине, являющейся «цивилизационным лимитрофом» между западной и православной цивилизацией, которую пытаются использовать в качестве «слабого звена» внешние игроки [24, С.3-20,59-63]. Только «Революцию Достоинства» пытаются сделать очередным «локомотивом истории» [13, С.86.], как сторонники неолиберальной модели (официальный Запад, «филантропы» типа Дж. Сороса) [30], так и ряд европейских интеллектуалов, не питающих к неолиберализму особых симпатий (З. Бауманн, А. Вайда, А. Глюксман, С. Жижек и др.) [28]. А что касается «Русской Весны», для которой характерна справедливость тезиса о «революции как празднике угнетенных» [10, С. 103], то в ее успехе во многом заинтересованы «антизападники» не только «Русского мира», но и Европы, о чем свидетельствуют, как программные заявления русских неоимперцев и национал-патриотов (И. Стрелкова, Н. Старикова, М. Калашникова и др.) [16, С. 99-429,465-504], так и участие

в боевых действиях на стороне Новороссии добровольцев не только из России, но и из европейских стран [9]. И та, и другая революции пока локализованы, но в силу того, что не решены проблемы, послужившие поводом для их начала, не преодолен и даже усилился социокультурный и цивилизационный раскол на Украине, и не всем в Украине и в ЛДНР нужен мир – всегда могут найтись те, кто захочет перевести тамошний революционный процесс в режим «перманентной революции» [23]. Что в сочетании с «мятежевойной» [15], или «гибридной войной» [12] - новым типом войны, когда воюют не столько армии и государства, сколько повстанческие движения и иррегулярные формирования, а ее «планировщики» имеют целью не только захватить территории, но и дестабилизировать их, - может привести к тому, что все новые территории будут ввергаться в «зону проблемной государственности» [1; 2], способствуя дестабилизации в том числе и постсоветского пространства [17].

Поэтому чтобы избежать «сомализации» Украины и сопредельных территорий и сползания их в «зону проблемной государственности» – нужно не только остановить боевые действия на Донбассе, но и прекратить «мятежевойну», в которой заинтересованы неконтролируемые государственной властью «лорды войны» (warlords) из командиров «добровольческих батальонов» [18] и их зарубежные кураторы и спонсоры. А это будет возможно: 1) в случае восстановления на охваченных «мятежевойной» территориях реального государственного суверенитета, основанного на выборе народа, даже если он идет вразрез с мнением «мирового сообщества»; 2) при достижении основных целей «Революции Достоинства» и «Русской Весны», или хотя бы массового разочарования в них...

Библиографический список

1. Асимметрия мировой системы суверенитета : зоны проблемной государственности / ред. М.В. Ильин, И.В. Кудряшова. – М.: МГИМО-Университет, 2011. – 248 с.
2. Балувев Д.Г. «Серые зоны» мировой политики / Д.Г. Балувев, А.А. Новоселов // Очерки текущей политики. – Вып. 3. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. – 40 с.

3. Беседин П. Каким быть Донбассу? / П. Беседин // Свободная пресса. – 2016. – 27 янв. – URL: <http://svpressa.ru/politic/article/141043/> (дата обращения: 20.04.2016).
4. Бедрицкий А.В. Демократия под огнём. Выборы в народных республиках Донбасса / А.В. Бедрицкий, С.О. Бышок, А.В. Кочетков. – М.: Книжный мир, 2014. – 352 с.
5. Бышок С.О. Евромайдан имени Степана Бандеры : От демократии к диктатуре / С.О. Бышок, А.В. Кочетков. – М.: Изд-во «Книжный мир»; ФРИГО «Народная дипломатия», 2014. – 432 с.
6. Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения / Дж. Голдстоун // Логос. – 2006. – №5. – С.58-103.
7. Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение / Дж. Голдстоун. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 192 с.
8. Депутаты Верховной Рады хотят объединить ЛНР с ДНР и сделать МТО // Vlasti.net. – 2016. – 29 марта. – URL: <http://vlasti.net/news/236508> (дата обращения: 20.04.2016).
9. Коротаяев А. Интербригады Донбасса / А. Коротаяев // Сегодня. Ру: информационно-аналитическое сетевое издание. – 2014. – 31 мая. – URL: <http://www.segodnia.ru/content/140317> (дата обращения: 21.10.2015)
10. Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т.11. – С. 4-131.
11. Ленин В.И. Крах II Интернационала // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т.26. – С.209-265
12. Манойло А.В. Гибридные войны и цветные революции в мировой политике / А.В. Манойло // Право и политика. – 2015. – №7. – С. 918-929.
13. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т.7. – М.-Л., 1956. – С.5-110
14. Мациевский Ю. Смена, транзит или цикл : динамика политического режима в Украине в 2004-2010 гг. / Ю. Мациевский // Полис. – 2010. – №5. – С.17-37
15. Месснер Е. Всемирная мятежейовна / Е. Месснер. – М.: Кучково поле, 2004. – 512 с.
16. Новороссия. Восставшая из пепла / сост. С.Н. Плеханов. – М.: Книжный мир, 2014. – 512 с.
17. Озеров А.А. Конфликт на Украине : попытка дестабилизации всего евразийского пространства / А.А. Озеров, А.В. Аверьянов. – URL: <http://riss.ru/analytics/7316/> (дата обращения: 23.04.2016).
18. Онуфриенко М. Добробаты и тербаты плачут перед зачисткой : прокляты и забыты / М. Онуфриенко // Журналистская правда. – 2015. – 21 окт. – URL: <http://jpgazeta.ru/dobrobatyi-i-terbatyi-plachut-pered-zachistkoy-proklyaty-i-zabyity/> (дата обращения: 03.03.2016).
19. Оранжевые сети : от Белграда до Бишкека / отв. ред. Н.А. Нарочницкая. СПб.: Алетейя, 2008. 208 с.

20. Пихорович В.Д. Украина между Западом и Востоком : Хроники Евромайдана / В.Д. Пихорович. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 200 с.
21. Сальников В.И. Проблемы геополитического выбора Украины / В.И. Сальников // Панорама : научные труды факультета международных отношений Воронежского государственного университета. – Т. XXI. Воронеж, 2015. – С.94-99. – URL: http://www.ir.vsu.ru/periodicals/pdf/panorama/tom_XXI.pdf (дата обращения: 10.04.2016).
22. Стариков Н. Украина : хаос и революция – оружие доллара / Н. Стариков. – СПб.: Питер, 2014. – 240 с.
23. Троцкий Л.Д. Перманентная революция (1930г.) / Л.Д. Троцкий. –URL: <http://www.marxists.org/russkij/trotsky/1930/perm-rev/> (дата обращения: 08.04.2016).
24. Украинский кризис 2013-2014 гг. : причины и последствия (круглый стол) / В.Г. Егоров, Н.А. Комлева, К.А. Феофанов, [и др.] // Вестник МГОУ. – 2014. – №1. – URL: <http://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/538> (дата обращения: 08.04.2016).
25. Уроки Новороссии для будущего России. Материалы научно-экспертной сессии (Москва, 3 июня 2015 г. Центр научной политической мысли и идеологии). – М.: Наука и политика, 2015. – 160 с.
26. Хаас Р. Смена режима и проблемы ее эффективности / Р. Хаас // Россия в глобальной политике. – 2005. – №4. – URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_5468 (дата обращения: 03.03.2016).
27. Шульц Э.Э. Теория революции : к истории изучения, систематизации и современному состоянию / Э.Э. Шульц // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2015. – №1. – С.167-172.
28. An open letter on the future of Ukraine // EU Observer. – 2014. – 27 Janv. – URL: <https://euobserver.com/opinion/122880> (Accessed on: 21.04.2016)
29. Korotayev A. Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013-2014 : A Cross-National Analysis / A. Korotayev, L. Issaev, J. Zinkina // Cross-Cultural Research. – 2015. – Vol. 49 (5). – P.461-488.
30. Levy B.-H. Il faut secourir l'Ukraine. [Ressource électronique] / B.-H. Levy, G. Soros // Liberation. – 2015. –25 Jan. – URL: http://www.liberation.fr/planete/2015/01/25/il-faut-secourir-l-ukraine_1188431 (Accessed on: 21.04.2016).
31. Мухарський А. Майдан. (Р)Еволюція духу. / А. Мухарський. – Київ: Наш Формат, 2014. – 312 с.

Массовое общество как условие возникновения тоталитаризма

В данной статье анализируется поддержка нацизма обществом. Предполагается, что она осуществлялась благодаря давлению идеологии. Так же рассматриваются основные черты идеологии нацистов, которая была построена на идее первенства арийской расы.

This article analyzes how society supports nazism. It is supposed to be carried out by ideological pressure. It also considers the main features of the nazism ideology, which was based on the idea of Aryan race superiority.

Key words: Political myth, Totalitarianism, Mass society, Ideology, Racism

Тоталитаризм – явление, родившееся в континентальной Европе прошлого века. Традиционно данный режим связывают с режимом Гитлера, реже – Сталина. Но учитывая контекст журнала, нас будет интересовать именно национал-социализм.

Механизмы упомянутого режима изучены и описаны в ряде научных работ, но дискуссионной является проблема осуществления поддержки режима Гитлера, которую производили массы. В большинстве работ о массовом обществе оно рассматривается негативный фактор из-за его конформизма и безответственности.

Одним из первых, кто описал массовое общество был Хосе Ортега-и-Гассет. По его мнению, основной предпосылкой его возникновения стало увеличение европейского населения. В силу этого обстоятельства, реальность стала видеться человеку не под углом выживания, а без особых преград. Жизнь в соответствии с полученным благополучием оказалась внешним подражанием тому, к чему внутреннему содержанию человек не имеет причастности.

Связывая проясненное понятие масс с тоталитаризмом, следует обратиться к авторам послевоенного периода. Например, по мнению Х. Арендт, классовая система сдерживала тоталитарные настроения, но делала людей аполитичными, поскольку они опирались на традиционную обстановку. Реорганизация классов и провал партийной системы породил отчаявшуюся толпу. Парадокс состоит в том, что они вышли из крайне разрозненного общества, класс – единственное, что

давало людям чувство общности. Потеряв причастность к обществу, человек ищет её у партии.

Кроме того, двадцатый век отметил себя в истории своей крайней динамичностью, что требовало нового осмысления, которое не доступно в старых категориях. Это сделало массы мишенью для идеологии, которая смогла предоставить схематический доступный ответ их запросам.

Дальнейший анализ идеологии вряд ли возможен без её соотнесения с мифом. Аспекты данной корреляции можно проследить с опорой на работу Н.Л. Шестова «Политический миф теперь и прежде». Проясняя понятие мифа, нужно упомянуть, что под этим термином не скрывается объяснение мира первобытным человеком. В данной работе используется подход к мифу, как к иррациональной форме постижения действительности.

Зачастую он связан со стереотипом – формой восприятия, которая позволяет сделать процесс мышления более экономным. Их отличие лежит в их функциях: миф помогает упорядочить мир, объяснить его связи, а стереотип является структурой, определяющей наше мышление. Но в политике они используются одинаково. Потому стереотип как сужение когнитивных процессов может иметь закореневшую форму и проявлять себя в быту или фольклорных мотивах, а может использоваться извне – в тоталитарной политике. Социально-политический стереотип всегда тварен, а не врождён, что указывает на наличие рационального субъекта в его структуре.

Идеология же заимствует мифологемы, к которым бессознательно обращается человек: избавитель, пророк, избранный народ, золотой век. Потому в идеологии миф и стереотип сходятся. К примеру, образ врага, противостояния двух сил вырастают в «еврейский вопрос».

Из-за приверженности идеологии масс и вытекает стремление приписать зло какой-либо внешней силе, что является отличительной чертой тоталитаризма, к которой нас неизбежно подводят новые факты: «Миф устанавливает вымышленные причинные связи между реальными объектами, порождает ложные объекты... вносит вымышленные отношения в подлинную ткань политических отношений. Миф заменяет реальное знание, и потому политический миф культивируется не любой политикой» [5, с. 84]. Тоталитарный режим

всегда формирует смысловое поле, которое утверждает свой примат над реальностью, тем самым требуя искать ответы не в ней, а исходя из идеологии.

Переходя от общего описания идеологии к конкретному можно обратиться к работе «Нацистский миф» Филиппа Лаку-Лабарта и Жана-Люка Нанси. В ней авторы делают акцент на том, что подлинная опасность возвращения тоталитаризма состоит не в копировании внешних атрибутов нацистов, а в сущностном возвращении к механизмам мифообразования.

Объектом их изучения является «идеология в том виде, в каком она, с одной стороны, всегда представляет себя как политическое объяснение мира, то есть как объяснение истории..., исходя из единственного концепта: концепта расы» [2].

Согласно им, миф обретает себя в форме духовного запроса, то есть он всегда приходит на готовую почву, его контуры задают именно потребности людей. В контексте судьбы германской нации этой почвой была проблема идентификации. Сама идентификация выстраивается через подражание, которое направлено на существующий пример в прошлом и принесение этого образа через настоящее. Подражание, в свою очередь, восходит к мифу. Идентичность не может выстроиться «сейчас» поскольку она не наберёт в настоящем нужных компонентов для своего создания. Выстраивать соответствие можно лишь с прошлым, которое должно представляться героическим. Потому главным мифом является история о созидании немецкой – «арийской» расы.

Арендт замечает, что нацистский режим стремится ввести общий закон (другой мыслитель – К. Поппер называет его законом природы): «Проблема здесь состоит в том, чтобы сфабриковать нечто несуществующее, а именно некий человеческий вид, напоминающий другие животные виды, вся «свобода» которого состояла бы в сохранении вида» [1, с. 569].

Внутри этого движения создаётся новый смысловой мир, отличный от реальности, чтобы соответствовать ему реальность подчиняется идеологии, позже под него пытаются изменить даже человеческую природу, пытаясь объяснить тем самым всеобъемлющим законом.

Идеология тоталитарного государства обещает массам уничтожить

противоречия и несправедливость в жизни и, таким образом, они становятся тем самым компонентом, которого не хватало тоталитаризму для своего полного оформления в самостоятельный феномен с устоявшейся тенденцией к уничтожению иного. Уничтожение иного или врага нужно тоталитаризму для формирования иллюзорного равенства, которое оказывается ликвидацией разнообразия. Массовое общество является его субъектом потому, что также: «сминает все непохожее, недюжинное, личностное и лучшее. Кто не такой, как все, кто думает не так, как все, рискует стать отверженным» [3].

Библиографический список

1. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. – М. : ЦентрКом, 1996. – 672 с.
2. Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.-Л. Нацистский миф. – СПб. : «Владимир Даль», 2002. – [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/laku-labart-f/nacistskiy-mif>
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. [Электронный ресурс]. – URL: http://pstgu.ru/download/1180624504.vosstanie_mass.pdf
4. Поппер К. Открытое общество и его враги. / К. Поппер // Соч. в 2 т. – М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т. 2. – 490 с.
5. Шестов Н. И. Политический миф теперь и прежде. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 414 с.

Политические и культурные аспекты истории македонского национализма в 1920 – 1930-е годы

В центре настоящей статьи – проблемы развития македонского национализма между двумя мировыми войнами. Автор анализирует особенности развития националистического дискурса, а также его основные версии – болгарскую и македонскую. Показана роль интеллигенции в развитии македонского национализма.

Ключевые слова: Македония, македонский национализм, болгарский национализм, национальное движение, националистическая полемика, национальное воображение

The author analyze main problems in development of Macedonian nationalism in inter wars period. The author pay attention to main features of Macedonian nationalistic discourse and two its main (Macedonian and Bulgarian) versions also. The role of intellectual community in development of nationalism is also analyzed.

Key words: Macedonia, Macedonian nationalism, Bulgarian nationalism, national movement, nationalistic polemic, nationalistic imagination

После завершения первой мировой войны в развитии македонского националистического движения начинается новый этап. Поражение в первой мировой войне привело к национальной катастрофе. Болгарское общество, точнее – его национально ориентированная часть, интеллигенция, крайне тяжело переживало то, что Болгария не смогла объединить те македонские земли, которые воспринимались как исторически и этнически болгарские [1]. Само участие Болгарии в войне воспринималось болгарскими националистами как проявление «исторических и политических потребностей» болгарской нации [2]. В 1919 году македонские националисты проболгарской ориентации указывали на принципиальную важность Македонии для Болгарии, полагая, что только активное национальное движение может привести этот регион к «свободе и цивилизации» [3]. Для значительной части болгарского общества македонцы были болгарам, которые томились под иноземным, сербским и греческим, господством [4], а македонская история – особенно: история национальной и революционной борьбы – была частью «большой» болгарской истории [5].

В 1920 году возобновляет свою деятельность ВМРО. 11 июня 1920 происходит собрание ЦК организации, на котором принимается решение,

что конечной целью македонского движения является «завоевание свободы – в форме автономии или независимости – Македонии в ее этнографических и экономических границах» [6]. Определение предполагаемых границ свободной Македонии свидетельствует о том, что воображаемый концепт Македонии как политической нации к тому времени был достаточно развит и проработан македонскими националистами. К 1920-м годам в рамках македонского национализма актуализированным оказался и образ врага. На роль «врага № 1» претендовала Сербия, которая контролировала часть македонских территорий [7]. Поэтому в протоколе ЦК ВМРО от 11 июня 1920 года содержался специальный пункт «Македония под сербским рабством» («Македонија под српско ропство»), в котором декларировалась необходимость «с другими поработенными народами в Македонии и других областях Югославии» бороться «за завоевание федеративного управление в Югославии и Македонии, как равноправном члене федерации». Македонские националисты болгарской ориентации уделяли значительное внимание критике Югославии, полагая, что это государство является проектом сербских националистов, целью которого является полное подчинение всего Балканского полуострова и сербизация несербских этнических групп [8]. По мнению болгарских националистов, Белград, сербский «денационализаторский режим» [9], в отношении Македонии проводил политику, направленную на «уничтожение целого народа», обладающего «своей историей и культурой» [10]. В своих статьях Хр. Татарчев настаивал, что сербское правительство, «сърбски палачи» [11] намеренно проводит политику «системного и жестокого уничтожения» [12] македонцев, их ассимиляции, стремясь к созданию «пансербского гомогенного государства» [13]. В этой ситуации Хр. Татарчев полагал, что в Югославии доминировали «централистские пансербские тенденции» [14], что исключало демократизацию страны. Христо Твтарчев подчеркивал, что сербское господство в Македонии является «самым несчастным» периодом в ее истории [15], а правящий режим в Югославии, основанные на «сербском притеснении» несербских групп [16], определялся им как «варварский» [17].

Этот сербский нарратив чуждости в рамках македонского национализма имел две версии, что было вызвано фрагментацией политического пространства. Первая версия была представлена собственно македонскими националистическими интерпретациями

сербской политики как антимакедонской, вторая – болгарскими концептами. В силу того, что болгары воспринимали Македонию как исторически и этнически болгарский регион, антимакедонская политика Белграда оценивалась болгарскими националистами как антиболгарская, что привело к глорификации болгарских деятелей в Королевстве СХС, пострадавших от политических преследований [18]. В болгарской национально ориентированной публицистике 1990 – 2000-х годов особой популярностью пользовалась тема «страшного оккупационного сербского режима» в Македонии. По мнению болгарских авторов, Сербия проводила планомерную политику ослабления, разрушения и уничтожения болгарской идентичности в Македонии, ликвидировав болгарскую Церковь, заселяя территория Македонии сербскими колонистами, политически преследуя болгарских деятелей [19].

Болгарский публицист Христо Татарчев, комментируя политику Белграда в отношении Македонии, указывал на то, что сербы проводят политику ассимиляции и денационализации болгарского населения в Македонии [20]. Татарчев настаивал на необходимости поддержки антисербского и проболгарского движения в Македонии, полагая, что свобода для македонцев является «насушной необходимостью для национального и культурного развития» [21]. Христо Татарчев в своих текстах культивировал крайне неаттрактивный образ Югославии, как государства, где политически доминируют сербы, проводящие политику ассимиляции других народов. В частности, Хр. Татарчев с сочувствием относился к хорватскому освободительному движению усташей. Для Хр. Татарчева лидеры усташей – «благородные политические борцы». По мнению Хр. Татарчева, македонский и хорватский национализм были близки в своем стремлении к политической свободе и освобождению от гегемонистских устремлений Белграда [22]. В другой своей работе Хр. Татарчев подчеркивал, что сербские националисты в Югославии угнетают не только хорватов и македонцев, но и черногорцев, а также албанцев [23].

Попытки интеграции македонского в контекст болгарской идентичности характерны и для работ Георги Трайчева. В своем исследовании «Духовные качества македонских болгар» он предпринял попытку доказать то, что македонцы являются составной частью болгарской нации. Георги Трайчев, воспринимая македонцев как часть болгарской нации, настаивал на том, что македонцы (и следовательно – болгары) являются

наследниками античной политической традиции. Анализируя историю Македонии, Г. Трайчев стремился подчеркнуть ее уникальность и значительный вклад македонцев, которых он считал болгарскими, в историю Болгарии. В частности, Георги Трайчев настаивал, что именно в Македонии возникло не только богомилство, но и началось болгарское национальное возрождение. По мнению Г. Трайчева, Македония исторически развивалась как болгарский регион. Следовательно, литературные и религиозные традиции македонских славян являются частью истории болгарской культуры. В связи с этим Г. Трайчев подчеркивал, что Охридская Архиепископия являлась болгарской религиозной институцией [24].

Значительная роль в формировании и развитии болгарского концепта Македонии принадлежит Ивану (Ванчо) Михайлову. Иван Михайлов в своих выводах был почти всегда крайне категоричен: он полагал, что Македония исторически, культурно и лингвистически является болгарским регионом, а на его территории проживают болгары [25]. Иван Михайлов, подобно другим македонским националистам проболгарской ориентации, активно формировал образ «другого», настаивая, что основная угроза македонцам («македонским болгарам») исходит от националистических устремлений Греции и Сербии [26]. Несмотря на значительную активность сторонников болгароцентричного восприятия Македонии и македонцев как части болгарской нации, этот интеграционный и национальный проект во второй половине 1930-х годов начинает функционировать в условиях острой конкуренции с македонским националистическим проектом, который представлял собой альтернативу болгарским интерпретациям Македонии.

Альтернативная точка зрения была связана с попытками культивирования особой македонской культурной и этнической идентичности, которая отличалась бы от сербской и болгарской. Но и в этой ситуации македонские националисты признавали, что единую македонскую идентичность только предстоит создать, о чем свидетельствовало то, что часть македонцев идентифицировала себя как болгар [27]. В первой половине 1920-х годов Крсте Мисирков вынужден был констатировать, что уверенность и оптимизм македонских националистов относительно политической сознательности македонцев и веры в «свободу нации» оказались явно преувеличены. Поэтому К. Мисирков признал, что особое внимание следует уделять развитию македонской идентичности, основанной на культуре и македонской истории [28]. Мисирков

позиционировал македонцев как одну из наиболее старых европейских наций. Которая обладала «историческим прошлым и вековыми традициями» [29]. В период между двумя мировыми войнами македонские националисты решились восполнить этот пробел, осознав, что только политическая идентичность и своеобразный националистический революционаризм, связанный с наследием Илинденского восстания и деятельности македонских националистов до первой мировой войны не могут служить в качестве достаточных и надежных оснований для дальнейшего развития македонского национализма.

Между двумя мировыми войнами в рамках македонского националистического движения предпринимались попытки актуализировать проблемы, связанные с идентичностью – в первую очередь, с македонским языком. Значительный вклад в актуализацию идентичностной проблематики внес Македонский литературный кружок [30], существовавший в Софии во второй половине 1930-х годов. Анализируя существование и функционирование этого объединения македонских интеллектуалов, следует принимать во внимание ряд факторов, а именно: кружок существовал в период, когда политическое и национальное будущее Македонии оставалось неясным; группа интересовалась в большей степени политическими проблемами и было, вероятно, объединением политических националистов; участники кружка в своем большинстве писали на болгарском языке, хотя некоторые из них пытались институционализировать новую норму, которая, по мнению болгарского исследователя Ангела Тодорова, в перспективе могла трансформироваться «в особый и отдельный национальный язык» [31].

Лидером кружка был македонский поэт левой ориентации Никола Вапцаров [32], который писал на болгарском литературном языке, но и был македонским националистом, что дает повод болгарским и македонским интеллектуалам считать его своим. Никола Вапцаров в октябре 1938 года прочитал на болгарском языке реферат, который ставил целый ряд вопросов, связанных с развитием македонской идентичности и национализма: «Что мы, товарищи, делаем, чтобы помочь тем, что участвует в политике? Что мы делаем для нашей организации? Что делаем для македонской литературы? Складывается впечатление, что уже существует группа людей, которые пишут, и, которые не забыли Родину? ... Мы должны быть в авангарде... Многие из нас шли нога в ногу с

политическими требованиями момента и в своих сердцах мы ощущали остроту македонского вопроса». Придерживаясь левых взглядов, Никола Вапцаров, отвечая на эти, поставленные им самим вопросы, указывал на необходимость национального развития Македонии при условии решения социальных проблем: «Каковы наши задачи? Об этом мы можем говорить много... но наши старики умирают еще до со смерти... но они, друзья, остаются жить в душе народа... но если мы будем утверждать, что наша молодежь не имеет македонского сознания, мы должны предоставить полную свободу действий для учителей, которые борются с неуважением македонского» со стороны немакедонцев [33]. Болгарский исследователь П. Галчин, комментируя левые политические симпатии и предпочтения участников Македонского литературного кружка, подчеркивает, что он стал «проводником политики БКП среди македонских беженцев в Болгарии» [34]. В этом контексте Николу Вапцарова можно рассматривать как одного из идейных предшественников македонских националистов в СФРЮ, которые стремились синтезировать ценности македонского национализма с левой политической риторикой югославского социализма.

Для националистических построений Николы Вапцарова характерно стремление подчеркнуть континуитет между различными поколениями македонских националистов. Именно поэтому в его поэтических текстах мы находим мотивы, связанные с Илинденским восстанием: «И восстание началось... кровью простых людей объединил нас Илинден... раньше в Крушево пребывало в феодальной власти и какой прыжок мы совершили – теперь начали строить Республику ...! А если вам и после этого нужны лозунги - хорошо! Свободы! Свободу, а не протекторат!» [35]. Аналогичные социальные мотивы представлены и в других произведениях Н. Вапцарова: «тяжко тебе, моя Родина, жестокий кошмар, обкуранный кровью, царит на твоих просторах, и я прошу вас - всех вас, пришло время сказать? Мы поражены темнотой. А в темноте – рабство. Голод. Словно сотни лет назад... люди умирают, но... я все еще люблю тебя, Родина... и мое сердце тревожно реет словно флаг вечного стремление всех бездомных и униженных к хлебу» [36]. Тексты Н. Вапцарова отразили процесс сближения национальных и социальных трендов в политической жизни межвоенной Болгарии, как страны, которая предпринимала попытки решения македонского вопроса путем интеграции македонской идентичности в болгарскую. Несмотря на то, что националистический македонский тренд в

текстах Н. Вапцарова представлен в незначительной степени, они важны как отражение постепенного полевения македонского политического национализма.

Другой участник кружка, Антон Попов, полагал, что во второй половине 1930-х годов македонский национализм столкнулся с новыми противниками: «именно от того, что у нас есть такие противники, именно потому, что Македония стала предметом устремлений новых империалистов и ареной империалистического фронта, мы обязаны твердо и ясно придерживаться наших македонских взглядов, мы должны быть в состоянии защитить наши убеждения от провокаций тех, кто посягает на нашу Македонию» [24]. Подобное восприятие внешней опасности свидетельствует о тех трансформациях, которые в рамках македонского националистического дискурса пережил образ «чужого». Контент чуждости в рамках македонской националистической идеологии постепенно стал маркирован не национально, этнически и религиозно, но в наибольшей степени социально. Социальный тренд в македонском национализме, вероятно, в наибольшей степени характерен для работ Кочо (Косты) Рацина (1908 – 1943) – участника Македонского литературного кружка. Рацин благодаря своим не только македонским националистическим настроениям, но и левым идеям (поэт был членом КПЮ) подвергся репрессиям не только в Югославии, но и в Болгарии, которая в ходе второй мировой войны оккупировала македонские земли, которые ранее контролировались Белградом. Кочо Рацин – македонский националист в политическом плане. Этнизированный компонент для националистических идей поэта, жившего до кодификации македонского литературного языка и писавшего на болгарском и на сербском языках, характерен в наименьшей степени. Наиболее значительное литературное произведение К. Рацина – сборник «Бели мугри». Значительное место в текстах К. Рацина занимает *социальный и революционный* элемент, что, вероятно, свидетельствует о попытках со стороны членов Македонского литературного кружка реализовать лозунг болгарского левого интеллектуала В. Александрова о необходимости создания «македонской национально-революционной литературы» [37], выдвинутый им в 1936 году.

Период 1920 – 1930-х годов оказался важным этапом в развитии македонского национализма. Македонский национализм на том этапе испытывал явные трудности с самопозиционированием и

самоидентификацией. Несмотря на это было создано и распалось несколько националистических организаций и возникла мощная национальная идея, которая базировалась на доктрине политической нации. Развитие македонского национализма было явно деформировано. В отличие от других националистических движений в Европе, в том числе – и на территории европейской периферий, в Македонии изначально возник сам концепт «Македонии» как политической нации и воображаемого, политического и националистического, сообщества. В то время, если история других европейских национализмов развивалась от идеи нации, осознания необходимости создания и унификации единого национального языка, наделения сообщества историей к осознанию себя как политической нации, претендующей на институционализацию в виде создания государства (желательно национального, очищенного от «чужих» и «других»), то в рамках македонского националистического движения на протяжении длительного времени вопросы и проблемы идентичности и языка играли второстепенную роль. В наибольшей степени в этом направлении преуспели болгарские националисты, которые предложили концепт македонской идентичности как части большого болгарского политического и националистического проекта. Параллельно предпринимались попытки реализовать македонский проект в рамках сербской и греческой идентичности. Ситуация осложнялась и тем, что постепенно складывался и собственно македонский национализм, для которого были важны не только политические измерения македонского проекта, но и его идентичностный уровень, связанный, в первую очередь, с кодификацией языковой нормы.

Эпоха 1920 – 1930-х годов, вероятно, может быть определена как предпарадигмальная фаза в развитии македонского национализма, когда македонский национализм был представлен несколькими националистическими движениями и взаимоисключающими националистическими проектами развития идентичности. Острейший политический кризис на Балканах конца 1930-х годов привел к тому, что страны региона оказались втянуты во Вторую мировую войну. Югославия временно перестала существовать как государство, а Болгария, воспользовавшись поражением Югославии и Греции, оккупировала часть принадлежащих им территорий, где проживало славянское население, которое к тому времени было известно как македонцы или македонские

болгары. Попытка болгарских националистов построить Великую Болгарию и интегрировать македонцев в состав большой болгарской политической нации завершилась неудачно. На завершающем этапе второй мировой войны Югославия и Греция вернули территории, на которые претендовала Болгария. Территория Македонии вновь оказалась разделенной между тремя государствами. Болгария и Греция взяли курс на принудительную ассимиляцию македонцев, разрушение их региональной идентичности, интеграции в болгарский и греческий политические проекты. Иную тактику выбрали югославские коммунисты, которые пошли на федерализацию страны и институционализацию региональных идентичностей, в том числе – и македонской. Обладая значительным политическим опытом, македонские националисты в новой Югославии предприняли попытку радикальной институционализации македонской нации, что выразилось в культивировании не только политической, но и этнической идентичности, представленной лингвистическим и историческим воображением македонских националистов.

Библиографический список

1. Татарчев Хр. Становището на Вътрешната македонска революционна организация по македонския въпрос / Хр. Татарчев // Сила. – 1919. – № 40. – С. 4 – 6.
2. Татарчев Хр. Българската външна политика и македонския въпрос / Хр. Татарчев // Заря. – 1930. – 17 юли.
3. Татарчев Хр. Едно осветление на българското общество / Хр. Татарчев // Сила. – 1919. – № 33. – С. 3 – 5.
4. Татарчев Хр. Индия и Македония / Хр. Татарчев // Македония. – 1932. – 9 февруари.
5. Татарчев Хр. Илинден – символ на свобода и сплотеност / Хр. Татарчев // Македония. – 1933. – 18 юли.
6. Протокол на ЦК на ВМРО за востановување на дејноста по Првата светска војна, 11.06.1920 год // <http://www.angelfire.com/super2/vmro-istorija/Dokumenti/prot920.html>
7. Палешутски К. Македонският въпрос в буржуозна Югославия, 1918 – 1941 / К. Палешутски. – София, 1983 // http://www.kroraina.com/knigi/kp_b/
8. Татарчев Хр. Пансръбската идея и македонския народ / Хр. Татарчев // Заря. – 1930. – 3 юли.
9. Татарчев Хр. Една престъпна и опасна пропаганда / Хр. Татарчев // Македония. – 1932. – 7 – 13 октомври.
10. Татарчев Хр. Резигнация и революционна борба / Хр. Татарчев // Македония. – 1930. – 22 – 25 август.

11. Татарчев Хр. Македонската младеж в миналото и днес в борбата за свобода / Хр. Татарчев // Вардар. – 1932. – № 13. – С. 1 – 2.
12. Татарчев Хр. Преданна обща борба. Това е священият лозунг на свободата / Хр. Татарчев // Македония. – 1933. – 10 февруари.
13. Татарчев Хр. Атенатите в Югославия / Хр. Татарчев // Заря. – 1931. – 26 август.
14. Татарчев Хр. Последната конституционна игра на крал Александър / Хр. Татарчев // Заря. – 1931. – 1 октомври.
15. Татарчев Хр. Въпросът за малцинствата изоставен / Хр. Татарчев // Македония. – 1932. – 16 април.
16. Татарчев Хр. Необходимост на обща революционна борба на потиснатите народи / Хр. Татарчев // Заря. – 1931. – 31 юли
17. Ципушевъ К. 19 години въ сръбскитъ затвори. Спомени / К. Ципушевъ. – София, 1943.
18. Боярджиев С. Македония под сръбско иго, 1913 – 1941 / С. Боярджиев // <http://www.kroraina.com/knigi/sb/>
19. Татарчев Хр. Атенатите в Югославия и европейската дипломация / Хр. Татарчев // Заря. – 1930. – 27 март.
20. Татарчев Хр. Франция и Югославия в ОН и македонската борба / Хр. Татарчев // Македония. – 1932. – 9 март.
21. Татарчев Хр. Хървати и македонци / Хр. Татарчев // Заря. – 1930. – 12 май.
22. Татарчев Хр. Малциствата и англо-френската политика / Хр. Татарчев // Заря. – 1930. – 18 юни.
23. Трайчев Г. Духовните качества на македонските българи / Г. Трайчев. – София, 1928 // http://www.kroraina.com/knigi/rami/gt/gt_2.html
24. Михайлов И. «Македонска трибуна»: македонско освободително дело и прервата от 19 май 1934 година / И. Михайлов // http://www.kroraina.com/knigi/im2/im2_1.html
25. Михайлов И. Sub iudice lis est – Делото е открито / И. Михайлов // http://www.kroraina.com/knigi/im2/im2_2.html
26. Мисирков К. «Повече македонци» / К. Мисирков // <http://www.kroraina.com/knigi/bugarash/misirkov/misirkovstatii2.html>
27. Мисирков К. Македонска култура / К. Мисирков // <http://www.kroraina.com/knigi/bugarash/misirkov/misirkovstatii2.html>.
28. Мисирков К. «Повече македонци» / К. Мисирков // <http://www.kroraina.com/knigi/bugarash/misirkov/misirkovstatii2.html>
29. Митева Ю. Идеята за езика в Македонския литературен кръжок – естетически и идеологически аспекти / Ю. Митева // <http://liternet.bg/publish8/iumiteva/ezika.htm>
30. Павлов Т. Поезията на Венко Марковски. Критически очерк / Т. Павлов. – София, 1939.
31. Суйецка Й. Балкански места на паметта. Терминът Македония и образът на Никола Вапцаров в българския и македонския времепространствен континуум / Й. Суйецка // <http://www.ilit.bas.bg/bi/include.php?file=JoSujecka>
32. Ристовски Бл. Древно-политичка метаморфоза на бугарската наука за Никола Вапцаров / Бл. Ристовски // Народна воля. – 2006. – Юни.
33. Галчин П. Македонски литературен кръжок (1938 – 1941 г.) / П. Галчин // http://www.promacedonia.org/mpr/mp_glachin.html
34. Вапцаров Н. Илинденска / Н. Вапцаров // <http://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=17&WorkID=166&Level=1>

35. Вапцаров Н. Родина / Н. Вапцаров // <http://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=17&WorkID=118&Level=3>
36. Александров В. Към уясняване предмета и същността на национал-революционната художествена литература / В. Александров // Македонски вести. – 1936. – 16 октомври.
37. Рацин К. Националното прашање во Македонија / К. Рацин // http://www.marxists.org/makedonski/racin/nac_prasanje.htm

**Le Pape Noir:
проблемы духовной и идеологической биографии
Франсуа Дювалье**

Автор анализирует роль Франсуа Дювалье как идеологического и духовного лидера в истории Республики Гаити.

Ключевые слова: Дювалье, Гаити, Вуду

The author analyzes Fr. Duvalier's role in the Haitian history as an ideological and a spiritual leader.

Keywords: Duvalier, Haiti, Voodoo.

Эта история случилась в 1957 году в Гаити. Экс-человек в белом халате, достигнув вершин власти в стране, пожелав избежать очернения репутации со стороны острого на язык народа, решил войти в историю маленькой карибской страны под прозвищем «Папа Док», исходя из своего профессионального прошлого. Как покажет будущее, прозвищем весьма пророческим. И далеко не вторая часть его раскроет истинную личность и роль бывшего борца с тифом в жизни неприметной латиноамериканской страны.

Среди всех диктатур Западного Полушария режим Франсуа Дювалье стоит особняком, причем – не сколько из-за этнокультурных отличий Гаити от иберо-романского окружения, столько из-за своих особенностей. Дювальеризм представляет собой один из наиболее успешных примеров политизации национальных духовных традиций. Он вполне справедливо заслуживает от исследователя еще одно прозвище: «Черный Папа», причем, в значении «Понтифик». И действительно, кем, если же не аналогом теократического ватиканского монарха являлся для гаитян Дювалье?

В данной статье мы собираемся рассмотреть феномен дювальеризма, его место в истории диктаторских режимов Латинской Америки, а также позицию Франсуа Дювалье в созданной им же культурно-идеологической системе.

Прежде чем провести параллель между Дювалье и Понтификом, следует внимательно изучить сам феномен Гаитянской Вуду, как наиболее

яркой и «ортодоксальной» ветвью этого мировоззрения в Западном Полушарии во все времена. Дабы не отступать от означенной темы, исследователь упомянет лишь основы Гаитянской Вуду: отсутствие четкой границы между жизнью и смертью, весьма своеобразный пантеон высших сил (Бондье – Верховный Творец, удаливший от себя мир, и Лоа – божества, существующие в мире людей, являющиеся проводниками между мирами, и инкарнацией которых может стать отдельный человек), «духовный дуализм» и трансформация человека в «зомби» как символ достижения высшего блаженства [12]. Анализируя же опыт Дювалье в «политизации» Вуду, можно прийти к выводу, что факторов ее успешного использования в политических целях было три. Первый – крайне низкий уровень образования населения, долгое время обделенный вниманием лидерами Гаити. Как отметил сотрудник исследовательского центра Г. Дамэй, ситуация даже на начало 2017 года не обнадеживает, ибо к высшему образованию имеют доступ чуть более 2% населения (в два раза больше, чем в 1960-х), а начальное отсутствует у более чем 75%. Это и сыграло на руку принадлежащему к 1% «избранных» Дювалье [8]. Второй – значительное игнорирование гаитянскими правительствами модернизации традиционного уклада жизни, который способствовал значительной консервации национальных религиозных традиций. Третий фактор был следствием непримиримости вудуистов к христианским миссионерам. Немного предыстории.

После провозглашения независимости Гаити и издания в 1805 году «антиплантаторского» закона (запрещавшего доступ европейцев и североамериканцев к свободным землям острова) западный сектор Эспаньолы стал смертельно опасным местом для белого человека. Обеспечить безопасность распространения христианства на острове позволил лишь вынужденный акт папы Пия IX «О синкретизации», объявивший в 1860 году Вуду одним из ответвлений католицизма. Однако и само христианство, просачиваясь на Гаити чуть более уверенно, изменялось на почве синкретического мировоззрения чернокожего населения острова. Вуду медленно сливалась с католицизмом, принимая все больше его черт, включая внутреннюю организацию. Особенно это касалось позиций Лоа в мире Вуду, которые зачастую имели аналоги (согласно ролям) в христианстве [12].

Александр Соловьев в своей книге «Как стать вождем» отмечает, что опыт «вудуизации» общественной жизни, а также национальной истории – не является «ноу-хау» одного лишь Дювалье [1]. Во многом основа подобной политики была заложена «духовным» предшественником «Папы Дока» из XIX века, первым правителем (императором) независимого Гаити Жаком I Дессалином. Согласно 24 статье введенной при его содействии конституции (исключавшей на территории Гаити использование любой религии в качестве государственной), «Религия есть естественное условие поддержание гражданского мира, правосудия и честной торговли». Таким образом, при отсутствии госрелигии «основой гражданского мира» стало мировоззрение большинства. Африканская Вуду, последователями которой были 90% населения карибской страны. Эта религия, которая век спустя станет «канон» для Вуду вообще и благодатной почвой для построения карьеры и культа личности Дювалье, сплотила народ под руководством Дессалина против всего «враждебного» белого мира.

С конца XIX века, несмотря на значительное примирение адептов Вуду с христианами и, по меньшей мере, иными конфессиями, ситуация изменилась мало. «Симбиоз» католицизма и Вуду на синкретических началах только усилил религиозную зависимость гаитян, так как была обеспечена фактическая безальтернативность мировоззрения для более чем 90% населения страны. Роль вероисповедания на основе Вуду и христианства как объединяющего фактора была слишком велика, а на фоне практически не меняющегося уклада жизни традиционного общества и низкого уровня образованности населения власть Вуду была всеобъемлющей. Даже Американская оккупация Западного Сектора с 1915 по 1934 годы и оставленное у власти лояльное Белому Дому мулатское правительство не сильно повлияло на ситуацию. В период существования марионеточного правительства хоть ситуация с уровнем народного просвещения стала выправляться, а уровень жизни несколько вырос, Вуду не потеряла свои позиции [14]. Даже наоборот, для гаитян она стала своеобразным символом единства и лучших воспоминаний о «старых добрых» временах независимости. После вывода войск США еще долгие десятилетия позже Вуду оставалась основой мировоззрения Гаитян. [5]

Факт же самоотожествления Франсуа Дювалье с Бароном Самеди (одним из влиятельнейших Лоа в культуре Вуду, ответственным за смерть и способность к воспроизводству, один из двух аналогов Апостола Петра в

Вуду) тоже был не слишком новым. Подобный ход в 1860-х годах был сделан луизианкой гаитянского происхождения Мари Лаво, объявившей себя инкарнацией Лоа Мамы Брижит (супруги Барона Самеди, согласно пантеону Вуду) и, во многом благодаря этому, ставшей основательницей и духовным лидером второго по числу адептов направления Вуду – луизианского [6].

Таким образом, можно прийти к выводу, что благодатная почва для использования Вуду в качестве инструмента принуждения и манипуляции сознанием была возделана еще в XIX веке. Сложившиеся же в веке XX методы и средства политической манипуляции позволяли лишь усилить эффект воздействия на сознание во много раз.

По мнению некоторых историков, серьезное влияние на политический опыт Дювалье и создание «теократического» культа его личности оказал наиболее эффективный на то время «Сукин Сын» Белого Дома: президент Доминиканской Республики Рафаэль Леонидас Трухильо.

Исследователь Джаред Даймонд в книге «Коллапс», описывая тесное двух диктаторов, намекает на влияние [2], оказанное Трухильо на Дювалье. Во многом культ личности Трухильо, (включивший в себя «классические» акты, как переименование в честь диктатора географических объектов, включая столицу Санто-Доминго, повышение его роли в жизни доминиканцев путем СМИ и образовательных программ) был принят Дювалье во внимание. Особенности и главные различия культа личности Дювалье и Трухильо состояли в разной их природе и способах организации, берущих свою основу, опять же, в уровне образованности населения. Этот одиозный феномен также поддерживался неблагоприятным фактом отсутствия у «Папы Дока» стремления к экономическому развитию страны, курс на которое в свое время «Шеф» взял, буквально, в свои руки. Нежелание как-либо изменить статус-кво, то ли из-за осознания угрозы личной власти в этом случае, то ли из-за недостаточного внимания экономическому развитию, и стало гарантом успеха культа личности Дювалье [11].

Опыт взаимодействия Дювалье и Трухильо говорит о многом. Уже доживающий свои последние годы «Шеф» в 1958 году встретился с новоиспеченным лидером Западного Сектора. Знаменитый девиз «Dios en cielo, Trujillo en tierra» (*исп. «Бог – на небесах, Трухильо – на Земле»*), размещенный вдоль центрального проспекта Сьюдад-Трухильо и

нанесенный на каждый плакат был взят Дювалье на вооружение. Мировоззренческие особенности населения обязали не просто отождествить лидера с наместником Бога на Земле, необходимо было признание прямой связи Создателя с президентом. Факт необходимости подсвечен и первым шагом «Папы Дока» - самоотождествлением с Бароном Самеди, одним из влиятельнейших лоя в культуре Вуду, ответственным за смерть и способность к воспроизводству. В дальнейшем бывший борец с тифом, утверждая собственный культ личности, толчок которому дало знакомство с методами Трухильо, пошел значительно дальше, чем простой пропагандистский баннер, изображающий новоиспеченного президента, поддерживаемого Иисусом. Лаконично гласящий «Бог выбрал Его!» [4]

Религиозно-синкретичное общество Гаити со специфичной социокультурной структурой позволило «Папе Доку» пойти дальше, чем «Шеф». Полностью подделана под «Черного Понтифика» была молитва «Отче Наш», объявлявшая Дювалье не просто защитником гаитян на Земле. Президент Гаити был объявлен полностью непогрешимой [8] прямой инкарнацией отцов-основателей страны, от Дессалина до Петийона [4]. Параллель с Ватиканом прослеживается в полученном диктатором от Святого Престола в 1966 году праве духовного лидерства католической церкви, фактически, уравнивавший Дювалье с католическими кардиналами. Таким образом, при наличии единой религии на основе Вуду и христианства, а также изоляции Гаити от Ватикана, Дювалье стал де-факто духовным лидером. Исследователь, однако, отмечает лишь

Был здесь и аналог монашеского ордена – знаменитые «тонтон-макуты» (*гаит. креол. «Бродячие колдуны»*), учрежденные в 1959 году как орган государственной безопасности VSN. Образом своих действий они, хоть и будучи типичными «эскадронами смерти» [1], очень походили на представителей ордена Св. Доминика в первые десятилетия своего существования, бывший основной опорой Папству: вымогательство денег «во имя Господа и вечного счастья умершего» (напоминающую позднюю практику индульгенции в XV веке [3]), избавление от инакомыслящих силовыми методами во имя духовной (не политической! [12]) верности лидеру. Место посредника с богом занимал же сам Дювалье, самопровозглашенный Барон Самеди и божественный покровитель Гаити. «Богом», с которым же -Дювалье поддерживал непрерывную духовную

связь, являлся, прежде всего, император Жак I [14], позволивший Вуду выйти из тени христианства и получить свободную практику, как, в свое время, подобным образом поступил с учением Христа римский император Константин Великий.

Что же касается населения Западного Сектора, то их восприятие Франсуа Дювалье как живого воплощения Барона Самеди – очередная из параллелей с Понтификом. Если не брать в расчет ответственность за воспроизводство, то остается роль проводника в Ле Гвинею. Роль, которую помимо охранения рая выполнял христианский аналог Барона, Апостол Петр. Согласно христианскому вероучению, первый Понтифик...

Таким образом, многочисленные признаки режима Дювалье, определяющие его, как переходную форму между автократией и теократической монархией, способы организации и поддержания власти, его роль как духовного лидера Гаити, верховного жреца и «аватар божества» Вуду, а также наместника Ватиканского первосвященника в Западном Секторе, можно с уверенностью заявить: «Папа Док», прозвище, под которым Дювалье решил увековечить себя в истории, является полным отражением его духовно-политической роли в Гаити 1950-1970 годов.

Как оценить 14-летний период диктатуры «Папы Дока»? Одно время обделенный вниманием как «рядовой» участник «зондеркоманды мирового империализма», всего лишь обычный диктатор маленькой Карибской страны, меркнувший на фоне своего кровавого соседа Трухильо и других более ярких латиноамериканских лидеров, как Пиночет и Штресснер, режим Дювалье и его феномен «Черного Папы» остается уникальным в опыте диктаторских режимов Западного Полушария. Именно здесь, на беднейшем острове Америки, был создан пусть сильно искаженный местными конфессиональными особенностями и во многом «фасадный», но фактически реинкарнированный на гаитянской земле, увы, в худшем проявлении синтеза Духовной и Светской власти аналог Святого Престола Ватикана. Именно властитель бывшей «Французской Эспаньолы» решил действовать с позиции духовной власти, чтобы укрепить светскую, а не наоборот, использовать светскую как средство проникновения в «разум и память» народа, как было принято в иберо-романском окружении [7]. Заложивший основы такого политического феномена, как «Дювальеризм», унесший свой опыт построения крепкого порядка на Гаити в Ле Гвинею. Непогрешимый полубог и наместник Всевышнего на Земле, аватар

проводника в Царство мертвых, Франсуа Дювалье, «Папа Док», «Черный Понтифик».

Библиографический список

1. Соловьев А. Как стать вождем. Страсти во власти – М.: Эксмо, 2011 – 272 с.
2. Даймонд Дж. Коллапс. (Пер. с англ. И. С. Николаев) – Viking Press, 2016 – 468 с.;
3. Е. Гергей. История папства: (Пер. с венгр. О. В. Громов) — М.: Республика, 1996. — 463 с.;
4. М. Хем. Быть диктатором: практическое руководство. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 399 с.;
5. Blier, Suzanne Preston (1995). "Vodun: West African Roots of Vodou". In Donald J., Cosentino. Sacred Arts of Haitian Vodou. Los Angeles: UCLA Fowler Museum of Cultural History. p. 61–87.
6. New York Library. The Black Republic and Louisiana. URL - <http://www.inmotionaame.org/migrations/topic.cfm;jsessionid=f8302323211483313947335?migration=5&topic=3&bhcp=1> (дата обращения: 01.01.2017)
7. Michel-Rolph Trouillot Haiti: State Against Nation: Origins and Legacy of Duvalierism, URL - <http://monthlyreview.org/product/haiti/> (дата обращения: 31. 12. 2016)
8. О. Логинов. Смертельно опасные режимы. URL - <http://www.all-crime.ru/kazni/en-kazney/kazni-en-40-diktatori-20-cent.htm> (дата обращения: 01. 01. 2017)
9. Г. Е. Дамэй. «Может ли высшее образование Гаити подняться из-под обломков», статья, журнал «International Higher Education», выпуск от 09. 12. 2016. URL – <http://ihe.nkaoko.kz/archive/31/334/> (дата обращения: 31. 12. 2016)
10. Faculty center Courbet: URL - <http://faculty.webster.edu/corbetre/haiti/history/earlyhaiti/1805-const.htm>
11. А. ««Экономика катастрофы востребует соответствующих политиков» URL - <http://vkrizis.ru/obschestvo/ekonomika-katastrofy-vostrebuet-sootvetstvuyuschih-politikov/>
12. Davis, Wade (1988). Passage of Darkness: The Ethnobiology of the Haitian Zombie. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2013.
13. В. Еленин. Карманный Гитлер. URL - <http://www.rimv.ru/aeroporto/41/gadkii.htm> (дата обращения: 30. 12. 2016);
14. В. Суханов. Дювалье – колдун, палач, президент. Журнал Look3. URL - <http://look3.ru/art/207-papa-dok-koldun-palach-prezident> (дата обращения: 30. 12. 2016);
15. Полная хронология XX века, М.: Вече, 1999, 399 с.

Проблемы регионализма и регионализации

А.А. Глазунова

Отношения между «центром» и «периферией» в рамках ЕС в свете экономического кризиса

В статье говорится об отношениях между экономически развитыми и слабыми странами в Европейском Союзе в условиях финансово-экономического кризиса. Германия, как страна-основательница представлена в статье как «центр» Европейского Союза, главная движущая сила экономических, политических и интеграционных процессов. ФРГ является главной экономикой ЕС, которая берет на себя обязательство оказывать финансовую помощь более отсталым соседям из Южной Европы. «Периферией» в статье представлена Греция. Именно с этого государства в 2007 году начался финансово-экономический кризис Европейского Союза, который по принципу «домино» затронул почти все страны-члены. Автор статьи приходит к выводу, что отношения Греции и Германии в настоящий момент претерпевают ряд трудностей, которые можно преодолеть только с помощью взаимовыручки и поддержки, а так же согласованности действий, направленных на искоренение кризиса.

Ключевые слова: Германия, Греция, экономический кризис, отношения

Греция всегда была одной из самых бедных и отсталых стран Европейского Союза. Ее положение еще больше усугубилось в связи с финансово-экономическим кризисом, поразившим страну в 2009 году и длящимся до сих пор. На развитие ситуации во многом повлияли отношения Греции с Германией, которая традиционно является локомотивом продвижения европейского интеграционного проекта и который год играет важнейшую политическую, экономическую и дипломатическую роль в ЕС. Серьезное влияние ФРГ на все сферы функционирования Европейского Союза, в том числе, на решение экономических вопросов, позволяет признать фактическое право «вето» у этого государства по отношению к решениям, которые могут противоречить германским интересам в Европе. Все вышеизложенное в полной мере касается политики Германии во время экономического кризиса.

Между экономическими показателями беднейших стран ЕС , в частности Грецией, и Германией на протяжении последних десятилетий наблюдался огромный разрыв. Тем не менее между Грецией и Германией существуют тесные, разносторонние связи. Отношения двух стран вступили в новую фазу с началом финансово-экономического кризиса в Греции. Ведь во многом ,именно от Германии зависела дальнейшая судьба страны Южной Европы.

Греко-германские отношения пережили ряд всплесков и падений – в зависимости от экономической и политической обстановки в Греции в конкретный момент. Развитие отношений двух стран во многом определялось и определяется позицией правительства Германии по вопросу урегулирования кризиса в Греции и в еврозоне в целом. Последние три года Европейские политики все чаще поднимали вопрос об исключении Греции из Экономического и валютного союза. Однако, ФРГ , внесшая в дело спасения Греции и других стран наибольший, прежде всего, финансовый вклад, не спешит расставаться с результатами проделанной работы и выступала за сохранение Еврозоны в существующих рамках.

23 марта 2015 года в Германии были обсуждены способы разрешения нынешнего долгового кризиса Греции, а также насущные вопросы двусторонних отношений. Несмотря на дипломатические заявления, сделанные главами правительств Германии и Греции ранее, мировой общественности совсем не трудно заметить большие барьеры, существующие в отношениях между двумя странами и между Грецией и ЕС в целом.

Однако, многие полагают что разрешение существующих вопросов на европейском уровне не должно оказать влияние на крепкий фундамент, заложенный в двухсторонних отношениях. Обе стороны также решительно настроены на развитие огромного потенциала сотрудничества между Германией и Грецией, а также на дальнейшее укрепление взаимопонимание между двумя странами.

На совместной пресс-конференции, состоявшейся 23 марта конкретных направлений сотрудничества на предстоящий период выявлено не было. канцлер ФРГ Ангела Меркель лишь в общих чертах подчеркнула важность близких дружественных отношений между двумя странами, подтвердив стремление расширять сотрудничество между

Германией и Грецией на основе взаимного доверия. В свою очередь, премьер-министр Греции, Алексис Ципрас также подчеркнул важность нынешнего своего визита в ФРГ для укрепления взаимодоверия между правительствами Греции и Германии. Одновременно, он подтвердил, что «диалог – единственный способ для преодоления нынешних трудностей в отношениях между двумя странами.»

Госпожа Ангела Меркель подтвердила, что данная двусторонняя встреча не сможет заменить достигнутую странами еврозоны договоренность, включая и условия для продления программы финансовой помощи Греции еще на 4 месяца.

В отношениях между Германией и Грецией возникали осложнения после того, как партия премьер-министра Ципраса «Сириза» одержала победу и создала правящую коалицию в Греции во время всеобщих выборов в прошлом году. Правительство премьер-министра Алексиса Ципраса постоянно совершало ряд шагов, что вызвало озабоченность у европейских партнеров. Речь идет о жесткой программе «затягивания поясов», архитектором которой, как известно, является Германия, о расположении Греции к России в ситуации, когда отношения между Россией и Европой стали напряженными. В своем недавнем выступлении, министр финансов Греции Янис Варуфакис даже бросил вызов Германии, заявив о том, что Греция сможет объявить о банкротстве, как и было в Аргентине.

Стоит отметить, что, по мнению греческого правительства, программа финансовой помощи Греции, которая осуществляется уже 5 лет при поддержке политических кругов Германии не принесла результатов, скорее негативно воздействовала на экономику этой страны. В результате этой программы Греция потеряла 25% ВВП, повысилось количество безработных, выросли госдолги и снизилась конкурентоспособность национальной экономики.

Более того, политическая цель Германии- удерживать Грецию в еврозоне, однако Греция должна уважать взятые ей обязательства. Германское правительство требует от Греции немедленно выдвинуть конкретные предложения и проявить готовность самим разрешить существующие проблемы для получения нового пакета помощи.

В настоящий момент, Берлин и почти все члены ЕС желают, чтобы Греция возвратилась к «программе затягивания поясов» в целях

спасения национальной экономики. Это трудная задача для нового правительства страны, тем более при новой власти. У Греции все трудности еще впереди, и это реальный вызов в современных отношениях между Германией и Грецией.

Библиографический список

1. Амартия Сен. Возможности и благосостояние / Философия экономики. Антология /Под ред. Д. Хаусмана. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.
2. Бабынина Л.О. Гибкая интеграция в Европейском союзе. Теория и практика применения. М.: УРСС, 2012.
3. Борко Ю. А. ЕС после финансово-экономического кризиса // Европейский союз в XXI веке: время испытаний / Под ред. О. Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова, Н. Б. Кондратьевой. М.: Весь мир, 2012.
4. Буторина О. Причины и последствия кризиса в зоне евро // Вопросы экономики, 2012, № 12.
5. Мэддисон Э. Контурь мировой экономики в 1 – 2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Издательство института Гайдара, 2012.
6. Valedictory speech by President Barroso European Parliament plenary session Strasbourg, 21 October 2014. Режим доступа: <http://europa.eu/>
7. Зверева Т.В. Основные направления внешней политики Франции в условиях глобализации / Под ред. Лукина А.В. М.: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2014.
8. Амстердамский договор. Малая библиотека ЕС на русском языке. Документы Европейского Союза.- М.: «Интердиалект» , стр. 21
9. Договор о Европейском Союзе. Малая библиотека ЕС на русском языке. – М.: Международная издательская группа "Право", 1994, стр.163
10. Сайт Европейского Союза. // <http://europa.eu/>

Европейский Союз и борьба с траффикингом: проблемы и перспективы

В современном мире существует множество глобальных проблем. Одной из самых серьезных является траффикинг.

С точки зрения норм международного права, траффикинг - это осуществляемые в целях эксплуатации перевозки, вербовки, укрывательства, передача или получение людей путем угрозы силой или других форм принуждения. Людей эксплуатируют с разной целью. Это может быть как проституция, так и принудительный труд или какие-то услуги, рабство.

Проблема торговли людьми можно считать рабством нашего столетия. Человек в этом случае представляет собой только орудие или инструмент для определенных целей.

Жертвой проблемы траффикинга может стать любой человек. Обычно это те люди, кто хочет любой ценой уехать со своей родины и соглашаются ее покинуть. Эти люди с верой в то, что за границей можно достигнуть быстрых личных доходов, которые соглашаются уехать из своей страны. В результате они становятся жертвами как физической, так и моральной эксплуатации. Во многих случаях жертвы траффикинга выполняют тяжелую, почти не оплачиваемую работу. Также многих из них избивают, унижают и угрожают их жизни.

Несмотря на то, что многие страны объединяют свои усилия в борьбе с проблемой торговли людьми, всё же жертвами траффикинга становятся ежегодно от 2,5 до 4 миллионов человек. По некоторым подсчетам, получаемая сумма от торговли людьми составляет несколько миллионов долларов США.

Одним из основных акторов борьбы с торговлей людьми выступает Европейский Союз. Европейский союз имеет в настоящее время в своем распоряжении правовые инструменты, направленные на решение проблемы траффикинга.

Одним из самых важных документов ЕС по борьбе с траффикингом является Протокол о пресечении и предупреждении торговли людьми, особенно женщинами и детьми или Протокол Палермо. В данном

документе дано точное определение термину «торговля людьми», что дает возможность сблизить национальные подходы к его толкованию. Данный документ призван помочь жертвам траффинга, основываясь на уважении их прав.

Главным признаком преступлений, совершенных в сфере траффинга, выступает мотив или цель для их совершенствования. Здесь может быть или сексуальная эксплуатация человека, или эксплуатация с целью труда. Минимальным наказанием за совершения такого преступления, согласно уголовно-правовой санкции в государствах-членах ЕС – восемь лет лишения свободы. Помимо этого предусмотрены наказания за покушение на совершение данного преступления и/ или за соучастие в нем.

В настоящее время количество преступлений, связанных с траффингом, увеличивается в ЕС и это связано, в первую очередь, с нестабильной экономической ситуацией некоторых стран-членов Союза, с увеличением потока нелегальной миграции, с недостаточной правовой проработкой вопросов борьбы с торговлей людьми.

Калифорния как исторический и политический регион

Автор анализирует Калифорнию как регион. В статье анализируются исторические, политические, социальные и экономические особенности и направления развития Калифорнии как региона.

Ключевые слова: Калифорния, регион, регионализация

The author analyzes California as region. The historical, political, social and economic characteristics and development trends of California region are analyzed in the article.

Keywords: California, region, regionalization

До недавнего времени Соединенные Штаты Америки сталкивались с проблемами, которые носили как экономический, так и финансовый характер. На сегодняшний день к ним прибавились проблемы, связанные с регионами. Несмотря на то, что многие эксперты относятся к сепаратизму с иронией, а некоторые и вовсе отвергают эту идею, как факт, имеющий место быть, нельзя не отметить, что примерно каждый пятый гражданин США выступает за сепаратистов в собственном штате. 7 штатов, среди которых есть Калифорния уже набрали необходимое количество голосов, для того чтобы выйти из состава США и создать собственное независимое государство.

Актуальность сепаратизма в Калифорнии несомненно велика, т.к. сегодняшняя ситуация в мире, доказывает, что сепаратизм не просто волна выступлений, которые закреплены официальной основой, это, уже, превратилось в политическое движение, где жители Калифорнии выражают свое стремление к автономии по экономическим и, возможно, этническим признакам.

Проблема Калифорнии как региона может быть рассмотрена в контексте конструктивизма, а если говорить более подробно, с точки зрения экономики идентичности в контексте сепаратистских наклонностей в преуспевающей и процветающей экономики Калифорнии.

Экономика идентичности подразумевает собой направление в институциональной экономике, которое было разработано Дж.Акерлофом, Р.Е. Крэнтоном. Само определение характеризует и определяет необходимость в единстве и равенстве для развития

коллективных действий, а также для борьбы с негативными последствиями социальных дилемм, трагедий общины. Если рассмотреть экономику идентичности на примере Калифорнии, можно заметить, что данный регион, на сегодняшний день, является одним из самых богатых и крупных штатов Америки, а калифорнийские власти давно осознали свою автономность. Однако, одной из главных причин, в их стремлении стать обособленным штатом, являются высокие налоги, которые, если и были разработаны с целью урегулирования доходов штата, то теперь вызывают высокий уровень безработицы, что, соответственно, приводит к дефициту бюджета. Таким образом, мы наблюдаем картину упадка Калифорнии, а их экономическая идентичность может превратить Калифорнию из самого доходного в самый убыточный штат США.

Калифорния, согласно последней переписи населения, является самым населенным регионом и входит в тройку самых крупных штатов. До появления европейцев, территория данного региона изобиловала огромным количеством этнических и языковых групп. Но наибольшую известность она получила не за территориальные войны или освоения Калифорнии русскими, а благодаря золоту. Именно Калифорнийская Золотая Лихорадка принесла Калифорнии такую известность, поскольку люди, желающие разбогатеть, приезжали с разных концов мира, ради маленького кусочка золотого металла. Именно золото, превратило Калифорнию из заброшенной периферии в «Золотой штат». Итоги золотой лихорадки были невообразимы, т.к. за небольшой промежуток времени небольшие населенные территории превратились в огромные мегаполисы с высокоразвитой инфраструктурой. Конечно, в результате, произошло массовое выселение индейцев с их территории, но кого это волнует, когда речь идет о миллиардах долларов[1],[6].

К тому же, нельзя обойти стороной население и экономику Калифорнии, которая занимает лидирующее место по валовому региональному продукту – 2,203 триллиона долларов, она также составляет 13% валового национального продукта США. Достояние Калифорнии – сельско-промышленный комплекс и усовершенствованные индустрии в области авиакосмоса, высоких технологий и др. Более того, в данном регионе располагается Кремниевая Долина, направленная на развитие информационных

технологий и разместившая у себя штаб-квартиры компании с мировой известностью. В конце концов, в Калифорнии на период 2010 года было зарегистрировано 663 000 миллионера и это, учитывая, численность населения на тот год составляла 37 253 956, т.е. приблизительно 2,6%.

Если рассмотреть Калифорнию под углом экономических факторов, то следует упомянуть события 2012 года. В ноябре назрел под острым углом вопрос в лидировании Калифорнии по размерам Бюджетного дефицита и государственного долга. Решение, принятое губернатором-демократом Джерри Брауном, о повышении налогов, было аргументировано таким образом, что люди, которые получают большую заработную плату должны, соответственно, и больше платить налогов, поскольку штат Калифорния погряз в долгах, особенно касательно сферы образования. Жители данного региона одобрили повышение налога до 13,3%, после чего ставка подоходного налога стала самой непомерной ставкой в США [2],[8].

Как мною упоминалось ранее, причина повышения налогов была нацелена на сокращение несоизмеримого дефицита государственного бюджета, который с каждым годом должен был приближаться к желаемой цифре, а может, даже и выйти в профицит, что приведет к ненужности в урезании социальных расходов.

Однако, с 2000-х годов и по сей день Калифорния является регионом с самым большим дефицитом в США. Губернатор Браун склонял всех на сторону повышения налогов, с целью увеличения расходов штата с сфере образования, но безрезультатно. Данные за 2012 год показывают, что даже школьная программа в Техасе в разы лучше, несмотря на то, что этот регион тратит намного меньше средств своего бюджета на образование и дети, при этом, обучаются лучше чем в Калифорнии. Доказательством послужит тестирование учеников из государственных школ, по основным предметам, а также по всем дисциплинам, в котором Калифорния оказалась на самых последних местах [3].

Очередной пример бесполезной траты государственного бюджета - обеспечение безопасности и правопорядок, т.е. с увеличением расхода денежных средств – защищенность региона резко падает. Калифорнийский регион сократил количество больниц и других лечебных учреждений, тем самым увеличив поток миграции из

Калифорнии высококвалифицированных врачей. Из-за незаконных иммигрантов и низкого уровня жизни, Калифорния не может предоставлять всем медицинские услуги, что увеличивает смертность населения.

Каким образом скалывается ситуация в Калифорнии на сегодняшний день? К всеобщему сожалению Калифорния не является больше штатом отдыха и палящего солнца. Из данного региона, с каждым годом, уезжает все больше и больше людей в поисках лучшей жизни, а уровень безработицы увеличивается, тогда как в США он заметно снижается. Отсутствие денежных средств в государственном бюджете городов приводит к сокращению социальных программ, поэтому в Калифорнии все чаще возникает вероятность столкнуться с вандализмом, угонами, кражей, насилием и др. Высокие налоги на бензин, высокая ставка подоходного налога вынуждает людей либо нищенствовать, либо мигрировать [7].

Все вышесказанное порождает волну недовольств и сепаративные настроения. Не исключено, что сепаратистские партии Калифорнии делают акцент на нерешенных критичных проблемах, с целью реализации программы «Калифорнийская республика». Однако, не стоит делать поспешные выводы, т.к. основная проблема кроется в озабоченности вышестоящих органов штата обеспечивать финансовыми средствами любую либеральную программу, что стало причиной колоссального долга. И, вместо того, чтоб начать политику восстановления, направив средства в те секторы развития, которые действительно в этом нуждаются, Калифорния организывает решение несуществующих проблем окружающей среды, глобального потепления, запрет на 92 химических вещества, сокращение выбросов парниковых газов и многие другие программы, благодаря которым образовалась «финансовая пропасть».

Идея о выходе Калифорнии из США будоражит всех калифорнийских сепаратистов. Очередная волна СМИ лелеет идею о создании штата Южная Калифорния. Свою лепту внес и американский миллиардер Тим Дрейнер, нацеленный на разделение Калифорнии на 6 частей: Северную Калифорнию, Южную Калифорнию, Западную Калифорнию, Центральную Калифорнию, Кремниевую Долину и Джефферсон. Судя по оценкам экспертов калифорнийцы будут

выступать «за» референдум по разделению, который должен состояться в 2016 году.

На мой взгляд, Тим Дрейнер желает разделить Калифорнию с целью разделения населения на бедные и обеспеченные слои. Учитывая упадок Калифорнии намного проще разделить ее на упаднические и процветающие части региона, где расселение будет происходить в соответствии с материальным положением. Однако, Калифорния должна не разделиться на несколько частей, а наоборот, объединиться и направить все силы и средства на восстановления федерального бюджета, разработать план по реализации программ, которые носят социальный характер: здравоохранение, образование, медицина и пр. Кроме того, Калифорнии надо всерьез задуматься о понижении ставки подоходного налога, таким образом, чтобы эта процентная ставка не наносила ущерб ни жителям Калифорнии, ни социальным программам [4].

Очередной прокол в экономике калифорнийских властей является либерализм по отношению к нелегальным мигрантам, немислимые суммы уходящие им в поддержку для обеспечения лучших условий не знает границ. Тем временем в городах Калифорнии наступает период разрухи и бедствий. Такие известные города как Лос-Анджелес постепенно опускаются до уровня стран третьего мира, кругом царит безнравственность и латиноамериканские банды. Трудолюбивые и добропорядочные семьи оставляют Калифорнию ради лучшей жизни для детей, а на их место приходят бедные мигранты-мексиканцы. Это приводит к тому, что ухудшается качество работы, образования, медицины. Жизнь в Калифорнии входит в стадию стагнации и лучшей выход это уехать в другие штаты, как поступает большая часть населения. Качество образования почти самое низкое среди других штатов, города с преступными бандами увеличиваются, уровень безработицы в 2 раза выше чем в США, из-за чего предприятия объявляют о банкротстве, поскольку не в состоянии оплатить непомерно высокие налоги. Высокие налоги – следствие государственных властей штата Калифорнии сочинять проблемы на пустом месте, вместо того, чтобы оглянуться и посмотреть на свой штат. Конечно, цепочка последовательностей, которая тянется друг за другом, бесконечна, но это в очередной раз подтверждает то, что

Калифорния уничтожает сама себя. Эти проблемы могут дойти до критической точки невозврата.

Федеральный бюджет Калифорнии может позволить данному региону создать собственное государство может позволить данному региону создать собственное государство, необходима политика, направленная на восстановление. Выход из США санкционирует данному региону понизить ставку на подоходный налог и не позволит партии демократов автоматически забирать на собственные политические расходы, деньги принадлежавшие Калифорнии. Никто из государственных деятелей не сможет заставить Калифорнию «играть по его правилам». Калифорнийский регион получит возможность разрабатывать проекты, касающиеся окружающей среды и пр., после восстановления социокультурного дисбаланса и проблемы образования. Восстановится сельское хозяйство, производства и предприятия, появятся новые рабочие места, что, возможно, и даст начало зарождению Калифорнийской Республики [5].

До того как Калифорния была охвачена приступом «Золотой Лихорадки» этот регион не был густонаселен. После находок золотых слитков, Калифорния стала самым популярным штатом США с «райскими» условиями для жизни.

Однако волна сепаратизма, охватившая США, затронув штаты, которые могут существовать отдельно. Калифорния занимает лидирующие позиции по объему ВРП и ВНП, развитая индустрия, а также огромный источник финансов – Кремниевая Долина и все эти достоинства заставляют США признать свою «беспомощность» и зависимость. К сожалению упадок, который настиг Калифорнию, не только по её вине, и по вине США, может превратить её в самый убыточный штат.

Библиографический список

1. Как Калифорнию превратят из самого убыточного в самый доходный штат США // Slon, 2012, 6 декабря [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://slon.ru/world/kak_kaliforniyu_prevratyat_iz_samogo_ubytochnogo_v_samyu_dokhodnyu_shtat_ssha-860810.xhtml
2. Штат Калифорния чреват «сепаратизмом второго уровня»? // Livejournal, 2014, 16 июля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kotsubinsky.livejournal.com/440432.html>
3. Более миллиона человек хотят разделить Калифорнию на шесть штатов // Вести.ru, 2014, 16 июля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1803615>
4. Калифорния на грани распада // Эхо Москвы, 2014, 16 июля, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://echo.msk.ru/blog/maria_butina/1360934-echo/
5. Балканизация США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sdelanounih.ru/?s=сепаратисты>
6. Калифорния уничтожает сама себя – остальная Америка на очереди [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mixednews.ru/archives/27922>
7. Мировой геополитический цунами сепаратизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dergachev.ru/geop_events/041114.html#.VvkrPWtp0s4
8. Сепаратизм в Соединенных Штатах и перспективы распада США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.rusbeseda.org/index.php?topic=1961.15>

Сведения об авторах

- А.М. Ипатов – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВУНЦ ВВС "ВВА имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина"
- И.А. Каширин – курсант 3-го курса 9-го факультета авиационного оборудования, уч. гр. 21-43 ВУНЦ ВВС "ВВА имени профессора имени Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина"
- Ю. В. Власова – кандидат исторических наук, доцент 205 кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВУНЦ ВВС "ВВА имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина".
- З.Ю. Надточий – кандидат исторических наук, доцент 205 кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВУНЦ ВВС "ВВА имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина".
- М.В. Кирчанов – д.и.н., доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- А.В. Погорельский – к.и.н., доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- И.В. Форет – к.и.н., доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- Nikita Nekliudov – студент 3 курса направления «Международные отношения» ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- Р.А. Сароян – магистрантка 1 курса направления «Международные отношения» ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- В.И. Сальников – к.и.н., доцент Кафедры международных отношений и мировой политики ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- Е.О. Гомозова – магистрантка 1 курса направления «Менеджмент» ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- А.А. Глазунова – магистр регионоведения
- О. Латышева – студентка 4 курса направления «Зарубежное регионоведение» ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- С.В. Попова – кандидат экономических наук, доцент 205 кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВУНЦ ВВС "ВВА имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина".
- А.А. Колодейчук – студент 4 курса направления «Зарубежное регионоведение» ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- К. Каблуков – студент 3 курса направления «Международные отношения» ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- М. Макарова – студентка 4 курса направления «Зарубежное регионоведение» ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- А.А. Фоменко – аспирант Исторического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
- Н. Садовников – студент 3 курса направления «Международные отношения» ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»